

Содержание

Глава 1. «В море влюбленный народ»	4
Глава 2. Соловки в русской истории.....	9
Глава 3. Петр I в Архангельске и первая школа юнг.....	18
Глава 4. Школа юнг на Валааме	24
Глава 5. Адмирал Кузнецов	28
Глава 6. Как всё начиналось (организация школы юнг на Соловках).....	34
Глава 7. Как жили и чему учились юнги.....	41
Глава 8. Командиры-наставники	49
Глава 9. Соловецкая школа юнг в судьбах и воспоминаниях ветеранов	54
Глава 10. Повесть-воспоминание Валентина Пикуля «Мальчики с бантиками».....	65
Глава 11. Виталий Григорьевич Гузанов и его повесть «Соловецкие паруса».....	70
Глава 12. Как сражались юнги	74
Глава 13. Будь смелым.....	80
Литература.....	85
Приложения	
<i>Приложение 1. Размышления о России</i>	88
<i>Приложение 2. Дети и война</i>	92

Глава 1. «В море влюбленный народ»

Там, где расколот предел городов,
Вечность сжимается в миг,
Новое время стоит у дверей.
Музыка ветра, музыка волн,
Музыка правильных книг —
Это вызов тобой еще не покоренных морей.
Хохотом ветер дразнил океан,
В смерчи закручивал ночь,
Словно резвясь, разрывал корабли.
Тот, кто сумел пересилить свой страх,
Волей себя превозмочь,
Вышел на берег еще не открытой земли.
Если ты знаешь, чем мерить слова —
Воля, отвага и честь,
Что значит горечь потерь от бескрылости сил,
Если преданность женщин и верность друзей —
Это все, что у тебя есть,
Значит, ты с детства хорошими песнями жил.
Синий предел — вольная высь,
Даль манит за горизонт.
Назло всем смертям, с рожденья ставит на жизнь
В море влюбленный народ.

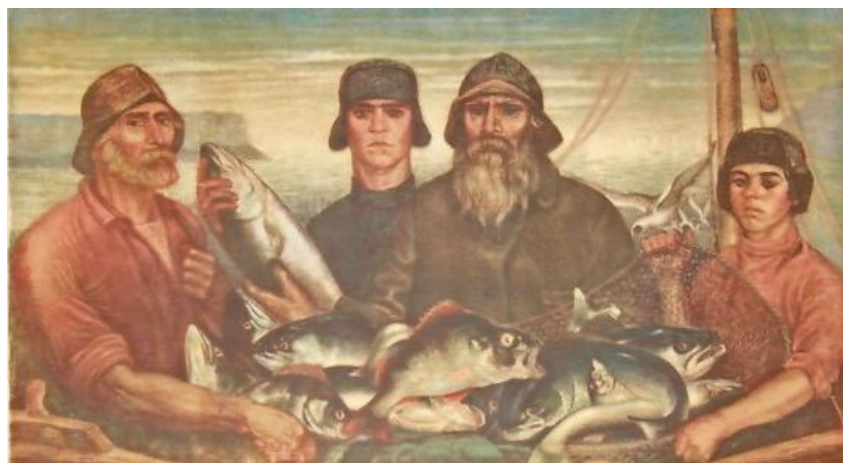
Константин Кинчев. «Синий предел»

С глубокой древности жизнь Русского Севера связана с морем.

Северная земля издавна влекла людей своими богатствами. В лесах водился ценный пушной зверь, в реках и озерах было много рыбы, морские берега давали возможность варить соль. Однако из-за большой удаленности и трудности пути освоение Севера шло медленно. Раньше других на завоевание «полуночных стран» вышли новгородцы. В XII веке они первыми основали на Севере промысловые поселения и становища, послужившие базой для дальнейшего продвижения к Белому морю. Переселенцы стали называть себя «поморами», а сами эти земли — Поморьем. В течение XIV–XVI веков поморы расселились далеко на юг и восток. Культура поморов объединила культурные особенности угро-финских (чудских) племен Беломорья и первых древнерусских поселенцев, активно осваивавших побережье Белого моря.

В XII–XV столетиях Поморье было владением Великого Новгорода. В XVI–XVII веках Поморьем называли обширный экономический и административный район русского государства, протянувшийся вдоль берегов Белого моря, Онежского озера и по рекам Онега, Северная Двина, Мезень, Пинега, Печора, Кама и Вятка, вплоть до Урала. К началу XVI века Поморье стало частью земель Московского княжества. В XVII веке в 22 уездах Поморья основу населения составляли свободные «черносошные» крестьяне. В XIX веке Поморье стали также называть Русским Севером, европейским севером России. Впоследствии название «поморы» постепенно вытеснилось термином «северяне».

В отличие от центральных губерний Российской империи на Русском Севере никогда не было крепостного права. Эти земли, если не считать короткого периода иностранной интервенции в 1918–1919 годах, ни разу не удавалось захватить иноземным завоевателям. Всё это повлияло на формирование характера северян.

Поморы. Худ. М. М. Берингов

Труд на море требовал от каждого помора не только физической силы, выносливости, закалки, сноровки, но и отличного знания морского дела, морского пути, навыков в промысле рыбы и зверя. С. А. Токарев в «Этнографии народов СССР» писал: «...на окраинах коренной русской территории и в местах позднейшей колонизации сложились своеобразные и обособленные культурно-

географические типы русского населения. К числу их принадлежат, прежде всего, поморы на берегах Белого и Баренцева морей. Попав в непривычные условия, они выработали очень своеобразный культурно-хозяйственный тип, основанный на преобладании промыслового приморского хозяйства. Смелые мореходы, предприимчивые промышленники, поморы выделяются и особыми чертами характера...».

Какие же особенности характера северян отмечали исследователи Русского Севера?

О том, что поморы, как потомки вольнолюбивых новгородцев, сохранили дух предприимчивости, свободолюбия и храбрости своих предков, писал в 1897 году русский учёный и государственный деятель Александр Платонович Энгельгардт в книге «Русский Север». Причины этих особенностей поморского характера он объяснил так: «Условия жизни, близость моря, постоянные опасности при производстве морских промыслов выработали из наших поморов отважных моряков и смелых промышленников. Они не останавливаются перед далекими, нередко опасными плаваниями по океану на своих судах, построенных домашними средствами, — то за морским промыслом на Мурман, к Новой Земле и даже к Шпицбергену, то с торговыми целями в Норвегию, Англию и Санкт-Петербург». Действительно, поморы не боялись отправиться на самый рискованный промысел, в незнакомые и враждебные земли, их не пугали ни непроходимые пути, ни жестокие морозы, студёное море было их Родиной. Поморы обычно были устойчивы в симпатиях и антипатиях, что нередко воспринималось как упрямство и злопамятность. Громкая речь среди поморов всегда была явлением достаточно редким, это был признак крайнего раздражения. Путешественники отмечали еще один удивительный обычай поморов — не запирают двери домов. Они давали следующую характеристику местному населению: поморы — немногословные, сдержанные люди, всегда готовые прийти на помощь; они доброжелательны, доверчивы и гостеприимны.

Кадр из фильма «Море студеное»

О нелёгкой жизни поморов и их дальних морских походах на остров Грумант (Шпицберген) рассказано в повести Константина Бадигина «Путь на Грумант» и в снятом в 1954 году на её основе интересном историко-приключенческом

фильме «Море студеное». И книга, и фильм во многом основаны на подлинных событиях. XVIII век, Белое море. На промысел вышла артель поморов. Во время стоянки на необитаемом острове на их судно напали лихие пираты и пустили его на дно. В живых на острове осталось только четверо поморов, которые провели там тяжкие шесть лет. Для тех же, кто ждал их дома, они исчезли навеки. Не смирилась с судьбой только невеста одного из моряков...

Характер северян влиял на общественный уклад, особенности семейных отношений и воспитание детей, в ходе которого из поколения в поколение передавалась сложившаяся в течение столетий система нравственных ценностей. Поморские женщины, или, как их называли на Севере, жонки, были храбры и в решении хозяйственных вопросов — самостоятельны. Если надо, водили карбасы, выходили в море на рыболовный промысел наравне с мужчинами. Дети во всем стремились помогать взрослым и очень рано овладевали нелёгким поморским ремеслом. Суровое трудовое воспитание получали поморские ребята. Море воспитывало мужественных, цельных, непреклонных, твердых характером людей. Об этом рассказал архангельский писатель Борис Шергин в очерке «Мурманские зуйки»:

«Зуек, или зуй, — наша северная птичка вроде чайки. Где рыбная ловля, где чистят рыбу, там кружатся зуйки. Зуйками называют в Поморье и мальчиков, идущих на Мурман в услужение — обед готовить, посуду мыть, рыболовные снасти сушить. Работы много, работа тяжелая, и больше всего в зуйки шли сироты, у кого отца нет. В Поморье мурманские тресковые промыслы — самое главное. И вот у бедной матери одна забота: чтобы сынишка и семье помог, и к работе привык. Хорошего, опытного промышленника мать со слезами просит взять сына поучиться тяжелому делу мурманскому.

Плата бывала зуйку за лето, кроме содержания — еды и одежды, пятьдесят рублей деньгами, десять пудов рыбы соленой, пять пудов сушеных тресковых голов.

«На шняке. Зуек, тяглец и весельщик». Рис. А. П. Энгельгардта

Хорошо, если распоряжается на судне дядя или иной кто близкий мальчику, а у чужих людей трудно. Лет с девяти, с десяти повезут в море работать навекать. Ходили зуйки и у отца и брата на корабле. Таким полдела.

Корабли поморские в море идут, когда оно очистится ото льда. Перед походом дома — отвальный стол, проводинный обед.

Накануне зук бегает, зазывает гостей. Зайдет в избу, поклонится и скажет:

— Хозяин с хозяйшкой, пожалуйте к нам на обед. Милости просим! Милости просим!

Во время пированья зуйки стольничают и чашничают с шитыми полотенцами через плечо. Стольники режут хлеб и угощают, чашники разносят братыни с квасом и брагой. Обедает зук с хозяйкой, после гостей...

...Всего хуже ребятам хлебы печь. Знаменитый капитан, архангельский помор Владимир Иванович Воронин, рассказывал: будучи зуйком, пришлось ему ставить хлебы в море на шкуне. Квашню, емкостью в несколько ведер, взгромоздил на полку, а завязал худо. Ночью пала непогода, шкуну закачало, ржаной опарой и начало устилать спящих промышленников, накатало и в их сапоги. В другой раз у Володи Воронина хлебы вышли как утюги, хоть ножи о них точи. Володя испугался, что дядя, хозяин шкуны, забранит, и потихоньку уплавил ковриги в море. А дядя и наехал на хлебы-то. Плывут ковриги рядышком, и чайки летят, поклевывают. Так грех и открылся.

В мурманских станах живут временно, одни мужчины. За чистотой должны следить зуйки. В праздник, бывало, стряпают из белой муки, а выйдет вроде ржаного. Лапы у поварят в саже. А все с песнями.

...Множество поморов заезжало в Архангельск на сентябрьскую ярмарку. У города столько бывало кораблей, что воды не видно. Зуйки гуляют по архангельским улицам нарядные, в узорных вязаных рубахах или в синих матросках с шейными платками.

Экипажецка рубашка,
Норвецкой вороток.
Окол шеечки платок,
Словно розовый цветок!

Покончив дела в Архангельске, корабли плывут по деревням. Дома матери рады, сестры веселы. Собаки — Дружки, Бордики, Лыски, Копы — приедем на грудь скачут».

Русский Север в течение многих столетий сформировался как уникальная социально-экономическая и культурная область Российского государства. Его население отличалось всеми качествами, необходимыми для жизни в суровом климате и в неразрывной связи всего жизненного уклада с морем. Не случайно, в период Великой Отечественной войны, как и в предшествующие столетия, враг не смог захватить эти земли. Именно здесь, на Соловецких островах, в 1942 году была основана Соловецкая школа юнг. Учёба и боевые подвиги юнг стали продолжением славных традиций отважных северных мореходов и их детей, смолоду помогавших отцам в нелёгком труде.

«Самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — писал академик Д. С. Лихачёв, — это то, что он самый русский. Он не только душевно русский — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы, полярники и беспримерные по стойкости воины».

Глава 2. Соловки в русской истории

Соловецкие острова, где была создана и действовала Соловецкая школа юнг, имеют древнюю и поучительную историю. Юнги-ветераны часто вспоминают о том, что в период обучения многие из них интересовались прошлым островов, Соловецкого кремля, Савватьевского скита, слушали рассказы наставников о Соловецком восстании XVII века и узниках темниц, располагавшихся в кремлевских башнях. Иногда юнги задавали «неудобные» вопросы о Соловецком лагере особого назначения и соловецкой тюрьме, которая размещалась на Соловках до 1939 года. Природа Севера, Белое море и историческое прошлое монастыря — всё это создало неповторимый культурный фон, влиявший на формирование характера подрастающих воинов. Ведь не следует забывать, что, в основной своей массе, это были взрослеющие мальчишки и период взросления пришелся на время их обучения в Соловецкой школе юнг.

Соловецкие острова находятся в наиболее мелководной западной части Белого моря, при входе в Онежский залив. Архипелаг отделён от Летнего берега Белого моря проливом Восточная Соловецкая салма (около 40 км), от Карельского берега — проливом Западная Соловецкая салма (около 60 км). От Полярного круга острова отдалены на 165 км. Рельеф островов неровный, холмистый, а в южной и западной частях поверхность гористая. Помимо горы Секирной, на Большом Соловецком острове есть ещё несколько небольших, по 25–60 метров, возвышенностей и хребтов. Они тянутся грядами невысоких холмов с пологими краями. Большинство из них расположены в центральной части острова: на восток от Кремля идут отлогие Хлебные горы, на северо-запад от монастыря — Валдайские горы, на север от них, в районе Красного озера, — цепь Гремячих и Волчьих гор. В юго-восточном углу острова Муксалма есть гора Фавор.

В XII–XIII веках происходила постепенная колонизация Карельского берега Белого моря новгородцами. Отсюда открывался кратчайший путь на Соловецкие острова. Вслед за промысловиками обширные, почти не занятые территории стали осваивать монахи. Их количество увеличилось к концу XIV столетия, когда на Руси утвердился новый тип монастыря-хозяйственника, жизнь в котором строилась на коллективном труде всех монахов. Основателем одного из таких монастырей был Кирилл Белозерский, а его учеником — основатель Соловецкой обители Савватий. После смерти своего мудрого наставника он в поисках «безмолвного» жития отправился дальше на Север. Вначале он спасался в Валаамском монастыре на Ладожском озере, но потом этот монастырь показался ему шумным, и он решил искать одинокого приюта на удаленных в море Соловках. Странствуя вдоль побережья Белого моря, Савватий узнал от местного населения, что острова велики и необитаемы и что на них много лесов и озер. Поморы, узнав о желании Савватия в одиночестве поселиться на островах, пытались отговорить его, указывая на то, что он стар и в одиночку не выживет. Видимо поэтому Савватий отыскивал себе спутника, уже бывавшего на Соловках пустынножителя Германа. И вот, в 1429 году, проделав нелёгкий морской путь, монахи высадились на Соловецких островах.

Вначале их жизнь на островах была полна трудов и лишений. Но они к этому и стремились, чтобы забыть о мирских соблазнах. Жестокие морозы и каменистая почва не давали возможности заниматься земледелием. Поначалу удалось вырастить только репу, которая в то время заменяла русским людям картошку. Поэтому приходилось смиряться и просить продовольствие у иногда посещавших острова поморов, а иногда и самим навещать материк. На шестом году жизни монахов на Соловках, во время отъезда Германа в Онегу, тяжело заболел, отправился на Карельский берег и там умер Савватий.

Спустя несколько лет его мощи с почестями были перенесены на Большой Соловецкий остров и захоронены в Спасо-Преображенском соборе.

Через год после смерти Савватия на Соловецкие острова прибыл Зосима. Он был сыном богатых промышленников из небольшого села на берегу Онежского озера. Чтобы отречься от мира, Зосима раздал имущество бедным и ушёл в Поморье.

Здесь он встретился с Германом, который рассказал ему о Савватии и о Соловках. В 1436 году, собрав необходимые припасы, они отплыли на острова.

Постепенно вокруг Зосимы и Германа собрались единомышленники и начали обустраивать монастырь. «Тружахуся постом и молитвами купно же и ручным делом, иногда же землю копаху мотыгами, иногда же древесна на устои монастыря заготовляху и воду от моря черпаху, и даяху торженникам на куплю, и взимаху от них всяко орудия на потребу монастырскую, и во прочих делах тружахуся и рыбную ловитву творяху и тако от своих потов и трудов кормяхуся», — рассказывает древнее житие.

Соловецкий монастырь образовался на землях Новгорода, откуда в обитель прислали первых трех игуменов. После присоединения в 1478 году Новгорода к Москве Соловки вошли в число владений Московского княжества. Московские князья были заинтересованы в существовании своего политического и хозяйственного форпоста и подтвердили права соловецких монахов на владение островами.

Вначале монастырское хозяйство было достаточно скромным, но во второй половине XVI века началось его стремительное развитие. Под руководством соловецкого игумена Филиппа Колычева, впоследствии убитого опричниками Ивана Грозного, возводились величественные храмы, большие хозяйственные строения. Монастырь вёл торговлю солью, которая в то время была товаром первой необходимости, потому что её широко использовали для заготовки на зиму овощей, мяса и рыбы. Взамен соловецкие карбасы везли в монастырь хлеб, зерно, овощи, известь, железо и другие строительные материалы. Хозяйственная деятельность монастыря привлекла внимание враждебных чужеземцев. В 1571 году, в разгар Ливонской войны, в Белом море неподалеку от Соловков впервые появились шведские военные корабли.

Спустя семь лет началось военное укрепление монастыря, сюда из Москвы прибыла команда, состоявшая из воеводы, десяти стрельцов и четырех пушкарей. Позднее вокруг монастыря стали сооружать деревянный острог с башнями, для его защиты прислали девяносто пять стрельцов. А с конца XVI столетия начали строить новый, каменный Кремль. Мощные валунные стены и башни были возведены, в основном, силами самих монахов и сразу вошли в число крупнейших крепостей Русской земли. До середины XIX столетия Соловецкая крепость не подвергалась нападению иноземных войск, но само её существование обеспечивало нерушимость северных границ. Находившийся в крепости военный отряд был готов, если нужно, выступить на защиту материковых земель. Не случайно в тяжелых условиях Смутного времени соловецкие монахи гордо ответили на грамоту шведского короля: «У нас в Соловецком монастыре и в Сумском остроге и во всей поморской области тот же единомышленный совет: не хотим никого из иноверцев на Московское государство царем великим князем, опричь своих природных бояр Московского государства».

Зосима Соловецкий

В это нелегкое время в монастыре и его острогах находилось более тысячи воинов. Когда Смутное время закончилось, оборона Поморья была передана вооруженным монахам.

Одним из самых трагических эпизодов монастырской истории было Соловецкое восстание (1668–1676). Бунт монахов, не согласных с церковными реформами патриарха Никона, обернулся противостоянием с царским войском. Осажденным помогало население материка: крестьяне, работные люди, участники Крестьянской войны под руководством Степана Разина. Несмотря на большие жертвы и усилившуюся цингу, сторонники старой веры, подобно своим единоверцам, сжигавшим себя целыми деревнями заживо, были полны решимости продолжать борьбу до последнего, но предательство одного из монахов, перебежчика Феоктиста, привело к победе царского отряда. Темной зимней ночью, незадолго до рассвета, по указке предателя, стрельцы через подземный ход пробрались к стене и вошли в нижние помещения крепости. Затем неожиданно устремились в монастырь и открыли ворота Белой башни. Ворвавшееся в ворота войско быстро сломило сопротивление восставших. На следующий день началась редкая по своей жестокости расправа над бунтовщиками. Не принявшим покаяния монахам рубили головы, сжигали их заживо, вешали на деревьях, топили в прорубях, морозили на льду. Лишь раскаявшихся оставили в живых и отправили в отдаленные монастыри.

Казни соловецких иноков. Со старинной старообрядческой иконы

Упорство в вере и решимость умереть, с какими «соловецкие сидельцы» приняли смерть, создали им ореол мучеников. Многочисленные списки «Истории об отцах и страдальцах соловецких», написанной со слов свидетелей старовером Семеном Денисовым, расходились по Руси и пользовались популярностью в народе. Соловецкое восстание и его подавление воеводой И. А. Мещериновым — всё это заметно ослабило духовные традиции и экономическое положение островного монастыря.

Новый период в истории монастыря наступил после прибытия на острова Петра I. Впервые, еще юношей, царь ступил на Соловецкую землю в 1694 году. В течение трех дней он осматривал монастырь, молился в храме и, одарив монахов богатыми подарками, вернулся в Архангельск. Второй раз Петр посетил монастырь в 1702 году в сопровождении тринадцати военных кораблей. Царь был обеспокоен вопросами обороны Поморья в русско-шведской войне. Современники отмечали, что, сойдя с корабля и без колокольного звона войдя в монастырь, он в первую очередь осмотрел крепость и Оружейную палату. Спустя десять дней царская флотилия двинулась к Нюхче, откуда два облегченных судна по заранее проложенной согнанными отовсюду крестьянами «великой государственной дороге» проделали путь в сто шестьдесят верст и в районе Повенца были спущены в Онежское озеро. Затем через Свирь и Ладожское озеро они неожиданно вышли к шведской крепости Нотебург (Орешек) и захватили её. Так состоялась первая победа русских войск в борьбе за выход в Балтийское море.

О жизни Русского Севера в начале XVIII века, о посещении царем Петром Первым Соловецкой обители, о юности помора Семена Поташова, едва не постриженного в монахи Соловецкого монастыря, который участвовал в походе с Петром I по «государевой дороге», побывал на строительстве Санкт-Петербург, отыскал свою невесту Дарью, едва не сожженную раскольниками, рассказывается в интересной историко-приключенческой повести, написанной для детей и подростков советским писателем Сергеем Писаревым. Повесть называется «Приключения Семена Поташова, молодого помора из Нюхотской волостки».

Автор так повествует о прибытии царя Петра в Соловецкий монастырь в 1702 году:

«Часа за полтора до захода солнца в монастырь прибыл царь, сопровождаемый только самыми близкими людьми. Царя встретили колокольным звоном и пальбой из всех монастырских пушек. Стены заволкло пороховым дымом. Царь принял благословение архимандрита. За пушечную пальбу Петр поблагодарил, а колокольный звон велел прекратить. Все ожидали, что царь войдет в ворота, где с чудотворной иконой поджидали монахи. Но Петр направился вдоль стены: ему не терпелось убедиться, «сколь может быть неприступным монастырь в случае нападения неприятеля». И только обойдя вокруг стен, окружность больше версты, царь прошел воротами. Он направился в собор, где сразу же началось торжественное молебствие. Служил сам архимандрит, а царь стоял около клироса, подтягивая по своему обыкновению певчим.

Ночью, когда все считали, что царь мирно почивает в отведенном ему покое, Петр вместе с архимандритом обошел все монастырские тюрьмы. Сопровождал их келейник настоятеля; он нес фонарь.

Архимандрит рассказывал про каждого узника. Многих из них Петр знал, — по его приказу они здесь находились. Он сам снял кандалы со своего бывшего духовника Иллариона, извет на которого не подтвердился. Царь уговаривал

Иллариона отправиться вместе в поход, но тот, измученный заключением и пытками, захотел навсегда остаться в монастыре.

Под Головленковской башней Петр встретил бывшего тамбовского епископа Игнатия. Игнатий набросился на царя с бранью; Петр схватил плеть и так крепко избил бывшего епископа, что тот через два дня помер.

Этой ночью неведомый никому холоп Василий Босый впервые лицом к лицу встретился со всемогущим царем. Впереди, с фонарем в руке, шел Семен, за ним, согнувшись, — Петр; архимандрит замыкал шествие. Приблизившись к камере Василия Босого, Семен остановился, — двинуться дальше он был не в состоянии. Архимандрит отпер дверку и направил свет на узника. Василий Босый поднялся с лежанки. Выпрямиться ему не позволил низкий потолок. Узник глядел на пришедших исподлобья. Архимандрит сказал Петру, что это и есть тот самый человек, который хотел вздеть его на рогатину. По лицу Петра забегала судорога. Глаза Василия Босого вдруг сверкнули и он весь напрягся, собираясь выскочить из камеры. Петр попятился; архимандрит быстро захлопнул дверку, повернув в замке ключ. Семен услышал, как Петр тяжело засопел, а узник в это время шумно свалился на лежанку.

Помолчав, архимандрит спросил:

— На вечное заточение?

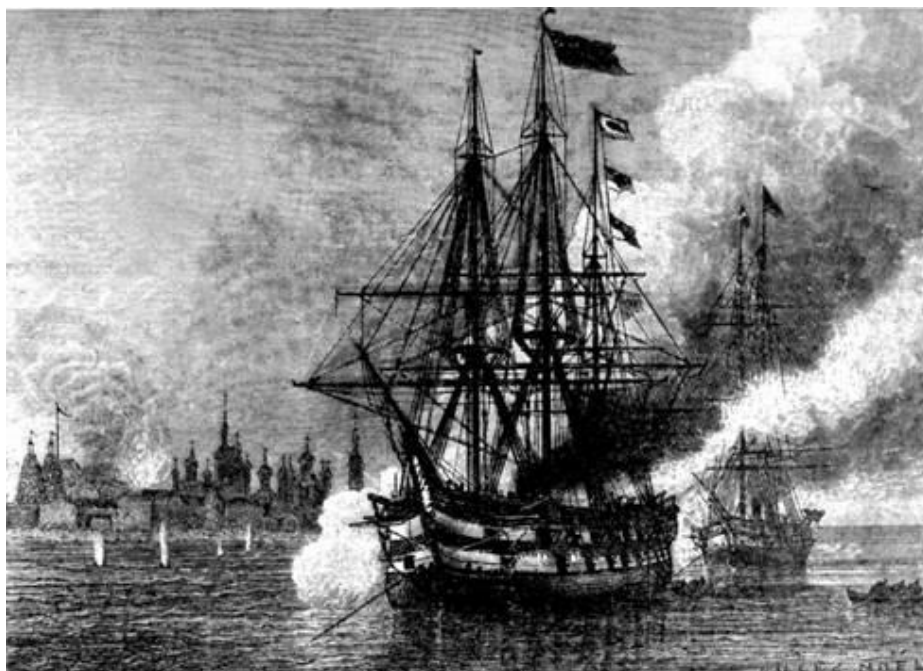
Петр подтвердил кивком, — по лицу его продолжала бегать судорога. Семен стоял ни жив ни мертв; если бы знали они, царь и архимандрит, что происходило в это время на душе у молодого помора!...».

Иллюстрации Л. Рубинштейна к повести С. Писарева
«Приключения Семена Поташова, молодого помора из Нюхотской волостки»

Еще одна интересная и героическая страница истории Соловецкого монастыря связана с событиями середины XIX столетия. В 1854 году, во время Крымской войны, английские суда в течение девяти часов обстреливали монастырь, а монахи и все жившие в монастыре под руководством настоятеля, архимандрита Александра (Павловича), проявив величайшее мужество и героизм, отстояли обитель. Решающее сражение произошло 6 июля, когда британские фрегаты «Бриск» и «Миранда» подошли к Большому Соловецкому острову.

Чтобы начать переговоры с монахами, англичане использовали сигнальные флаги, но монахи ничего не поняли и не ответили. Тогда британский корабль сделал два сигнальных выстрела. Монахи решили, что это нападение и начали палить из пушек. При этом одно ядро удачно попало в британский фрегат и, повредив его, заставило поспешно бежать за мыс. Англичане пришли в ярость. На следующий день руководитель вражеской эскадры прислал в монастырь письмо, в котором потребовал сдачи гарнизона вместе с вооружением. Соловецкий игумен ответил, что «оружия, флагов и других военных снарядов монастырь не имеет и поэтому сдавать нечего...». Получив такой ответ, британцы около девяти часов обстреливали монастырь, по которому было выпущено тысяча восемьсот ядер и бомб. Их, по признанию английского капитана, хватило бы для разрушения нескольких городов. Но, так и не добившись сдачи монастыря, к вечеру британские корабли ушли. При этом в монастыре не пострадал никто, включая чаек. Одно ядро нашли невзорвавшимся за иконой Богородицы, что уверило защитников в чуде. Всё это вызвало рост авторитета монастыря среди верующих. Заметно увеличилось число паломников.

Англо-французский флот обстреливает Соловецкий монастырь в 1854 году

В XIX–XX веках интерес к истории и культуре Соловецкого монастыря проявляли многие известные люди. Среди литераторов, оставивших свои воспоминания о Соловках, были С. В. Максимов («Год на Севере»), В. И. Немирович-Данченко, М. М. Пришвин, Б. В. Шергин. Здесь работали выдающиеся художники В. В. Верещагин, М. В. Нестеров, А. А. Борисов. К началу XX века у монастыря было 10 скитов и пустыней, 17 храмов, около 30 часовен. До самого своего закрытия большевиками в 1920 году Соловецкий монастырь был одним из самых почитаемых в России.

Соловки оставили свой след в русской истории и как место ссылки преступников. В числе монастырских узников можно упомянуть сторонников движения нестяжателей, выступавших за небогатую церковь, — Сильвана, Артемия. В начале

XVII века шесть лет провел в монастырской ссылке крещеный татарский царевич, слуга Ивана Грозного, а одно время даже его соправитель, князь Симеон Бекбулатович. Некоторое время в качестве заключенного здесь находился автор «Сказания о событиях Смутного времени» Авраамий Палицын. Позднее, получив прощение, он был с почетом захоронен у Преображенского собора.

В Петровскую эпоху в монастырь стали поступать заключенные по решению Синода и Тайной канцелярии, в том числе провинившиеся придворные и вельможи. Иногда условия заключения были очень строгими. Узники были пожизненно заточены в узких и невысоких каменных мешках и были обречены на вечное молчание. Страже из числа вооруженных монахов было строго-настрого запрещено с ними разговаривать. Бывали случаи, когда отчаявшиеся объявляли «Государево Слово и Дело». Это означало, что им известно преступление государственной важности, о котором они могут доложить только в столице. Таких узников везли в Санкт-Петербург, где они иногда пытались оговорить кого-нибудь в придуманном злодеянии или признавались под пытками в том, что никакого преступления нет, после чего их наказывали и возвращали в темницу.

Савватьево, фото 1899 года. В 1942–1945 годах здесь была Соловецкая школа юнг

Наличие в монастыре тюрьмы плохо влияло на образ святой обители. Поэтому в 1903 году соловецкая тюрьма была упразднена, но возродилась в новых, более массовых и жестоких формах, при большевиках. В 1920 году на Соловках был открыт один из первых исправительно-трудовых лагерей послереволюционной России. В 1923 году он был расширен и превращен в учреждение значительно большего масштаба — Соловецкие лагеря особого назначения (СЛОН). В начале 1937 года они были преобразованы в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН). Вплоть до 1939 года сотни тысяч заключенных плотно заполняли помещения кремля и отдаленных скитов, осужденные жили в старых землянках, душных бараках, едва отапливаемых монастырских зданиях. Первыми на Соловки были сосланы политические противники боль-

шевиков — белогвардейцы, меньшевики, эсеры, анархисты, представители духовенства. Политзаключенные требовали нормальных условий содержания, но руководство не обращало на это внимания. «Там, на материке, у вас власть советская, а здесь — соловецкая», — любили повторять лагерные охранники. В начале 30-х годов на острова для «перековки» стали доставлять раскулаченных крестьян, творческую интеллигенцию. Обвиненные во вредительстве, контрреволюционной агитации и других преступлениях, они жестоко страдали от тяжелых физических работ на лесоповале, торфоразработках, прокладке дорог. Во второй половине 30-х годов сюда начали привозить и репрессированных партийных чиновников. В наши дни выяснением списка заключенных и оформлением экспозиции по лагерям занимается организованный в 1974 году Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник.

В 1939 году в условиях начавшейся советско-финской войны тюрьма на Соловках была ликвидирована. В стенах монастыря расположился учебный отряд Северного флота, на базе которого в 1942 году и была открыта Соловецкая школа юнг. Перед открытием школы постарались убрать колючую проволоку, сжечь вышки и бараки. Соловецкие юнги вспоминали, что в период жизни на Соловках среди них ходили легенды о монахах, которые рыли тайные подземные ходы, об отпоре, который монастырь дал англичанам во время Крымской войны, о царе Петре и Ломоносове, задумчиво стоявших возле загадочных каменных лабиринтов на Заячьем острове...

В 1972 году к северу от Кремля во время первого слета юнг-ветеранов был установлен памятник воспитанникам учебного отряда. В честь героев войны в поселке Соловецкий названы улицы: одна — в память Героя Советского Союза Ивана Сивко, погибшего за освобождение Севера в 1941 году, другая — в честь соловецкого юнги Саши Ковалева, героически павшего в 44-м. Память о героических юнгах сохраняется в сердцах жителей Соловков, в музее открыта посвященная им экспозиция, организуются слеты ветеранов.

Глава 3. Петр I в Архангельске и первая школа юнг

Открывшаяся на Соловках в 1942 году школа юнг стала продолжением давно существовавших на Русском Флоте традиций. А самая первая школа юнг в России была открыта ещё при Петре I.

Царь считал, что Россия будет великой державой, только если станет морским государством. Первым морем, с которым познакомился Петр I, было Белое море. Здесь, у поморов, к тому времени уже давно сложились традиции судостроения и судовождения. В июле 1693 года Петр выехал в Архангельск, единственный в то время русский морской порт. Еще со времен царствования Ивана Грозного в Поморье, в Холмогорах и Архангельске, шла торговля с иноземными купцами. При царе Алексее Михайловиче в Архангельске был построен Гостиный двор, а в Заонежье для охраны русских границ основан город Олонец. В Архангельске Петр убедился, что для выгодной торговли с иностранцами необходимо построить свой торговый флот. Пятого августа царь прибыл к Белому морю и был потрясен его величием. В то лето 1693 года в Архангельск пришли сорок иностранных торговых кораблей. Торговые суда охранял конвойный корабль под командованием голландца Иолле Иоллеса. Петр наблюдал за прохождением кораблей, учился у голландцев и англичан искусству вождения судна под парусами. 14 августа 1693 года царь впервые в жизни вышел на паруснике в открытое море. Он увлёкся плаванием и ушел за триста миль от Архангельска, возвратившись лишь на пятый день. Весной 1694 года шкипер, как велел называть себя Петр, снова плыл по Северной Двине к Архангельску. В Унской губе парусник попал в сильный шторм, и только искусство поморского лоцмана Антона Тимофеева спасло жизнь царя. На Пертолинском берегу царь установил собственноручно сделанный им крест с надписью на голландском языке: «Этот крест сделал капитан Петр в лето Христово 1694». В этом же году побывал

Петр и в Соловецком монастыре, выходил в Белое море на новых морских судах русской постройки «Святом Петре» и «Святом Павле». На корме кораблей развевался новый русский флаг — красно-сине-белый, который и сегодня является государственным флагом России. Петр полюбил море и понял, что «только тот государь обе руки имеет, который обладает и армией и флотом».

На следующий год Петр снова приехал в Архангельск, чтобы поучиться корабельному делу. Плавание по Белому морю, веселая компания приближенных, торговые дела с купцами — все это влекло царя, а сам царь, как позднее в Голландии, вызывал всеобщий интерес. Несколько дней он изучал корабельный распорядок на корабле у голландского шкипера Клааса Месши, поначалу в качестве каютного юнги. Переодетый в матросское платье, высокий (его рост составлял 2 метра 4 сантиметра) и плечистый, Петр совсем был не похож на юнгу. Начав со швабры, царь быстро вырос по службе: стал каютным сторожем, затем младшим матросом. В итоге Петру понравился веселый шкипер, и он уговорил его за хорошие деньги перейти служить на русском корабле. Царь приказал создать в Архангельске Коммерц-коллегию, а также установить пограничные заставы на Мурмане, в Коле, Мезени и Пустозерске. Накануне Петровых именин, 28 июня, построенный на Соломбальской верфи корабль «Святой Павел» был спущен на воду и вышел под управлением Петра в море, а через неделю прибыл в Архангельск заказанный в Голландии фрегат «Святое пророчество».

В 1700 году началась Северная война со Швецией. Летом 1701 года у только что начавшей строиться Новодвинской крепости огнём береговых батарей был разгромлен авангард шведской эскадры, направлявшейся для нападения на Архангельск. При этом были захвачены два шведских корабля с полным вооружением и амуницией. Это были первые военные трофеи в Северной войне. Одержатъ победу во многом помогли самоотверженные действия двух поморов — Ивана Рябова и Дмитрия Попова, которые, захваченные в плен за несколько дней до этого, под страхом смерти согласились послужить лоцманами и ввели в заблуждение шведского капитана. В итоге два шведских корабля оказались на мели прямо напротив береговых батарей. Повторить нападение на Архангельск шведский вице-адмирал не осмелился. Петр, получив из Архангельска известие об отражении шведов, распорядился выдать награды архангелогородцам, а в 1702 году в последний раз посетил Архангельск, чтобы проверить обороноспособность Поморья. Здесь произошли большие перемены, было построено много новых кораблей.

О посещениях Петром I Архангельска и Соловков, о начале строительства русского флота, о неудачной попытке шведов захватить Новодвинскую крепость и подвиге поморского кормщика Ивана Рябова рассказано в романе Юрия Германа «Россия молодая» и в одноименном девятисерийном фильме, снятом по этой книге в 1981–1982 годах. Действие романа происходит в Архангельске, Белозерье, Переславле-Залесском, Москве. Автор показал исторические события через жизнь главных героев, раскрыл характер эпохи через подробнейшие описания быта и уклада жизни Русского Севера. В центре повествования судьбы трёх человек: капитана-командора Сильвестра Иевлева, поручика таможенного войска Афанасия Крыкова и кормщика-помора Ивана Рябова.

Кадр из фильма «Россия молодая»

После того, как Рябов совершил свой подвиг, его заточили в темницу и допрашивали, подозревая в измене. Когда Петр I узнал об этом, он повелел освободить кормщика, даровал ему шубу с царского плеча и дворянское звание. В книге «Россия молодая» Иван Рябов показан как настоящий помор:

«— Ну, дядечка! — горячим шепотом за спиною Рябова сказал Митенька. — С Богом!

В эту секунду Рябов, сжав зубы, в последний раз чуть-чуть переложил штурвал. Почти тотчас же долгий скрежет вырвался, казалось, с самого дна Двины, нос «Короны» медленно вздыбился, корма стала оседать, и длинный сплошной вопль отчаяния и ярости раскатился по орудийным палубам, по шканцам, по юту и по всему кораблю.

Кормщик отпустил рукоятки штурвала.

Тут нечего было более делать — флагманский корабль прочно сидел на мели. В вое голосов, совсем рядом, оглушающе громко защелкали пистолетные выстрелы, кормщик нагнулся, понял — стреляют в него. Совсем близко блеснуло жало шпаги, он ударил топором, человек, который хотел заколоть его, упал. Митенька и Якоб отбивались за спиною Рябова, он же заслонял их обоих и рубил топором всех, кто бросался на него, так метко и с такой ужасающей силой, что вокруг быстро образовалась пустота, и только выстрелы гремели все чаще и злее.

Подвиг русских лоцманов Рябова и Борисова в Архангельске,
июнь 1701 г. Даниил Адашев

Ни Рябов, ни Митенька, ни Якоб не видели, как второе судно эскадры с ходу врезалось в высокую резную корму «Короны», они только почувствовали страшный толчок и еще раз услышали вопли команды флагманского корабля и длинный, уже не смолкающий крик и вслед за ним согласный, оглушительный, басистый рев пушек: это одновременно ударили орудия Новодвинской цитадели и батарея Маркова острова.

Отбиваясь топором, Рябов не видел, как оттеснили от него Якоба, как упал Митенька. Но когда раскаленное ядро расщепило палубный настил и разогнало шведов, кормщик оглянулся и понял, что Митенька ранен. Высоко вздев в правой руке топор, кормщик вернулся и потащил с собою Митрия к борту, чтобы прыгнуть с ним в воду, но вдруг стал слабеть и почувствовал, что идти не может, может только ползти. Но ползти тоже было нельзя, потому что его бы смяли, и он все шел и шел, залитый кровью, с топором в руке, волоча за собою Митрия. У самого борта ему помог Якоб, который тоже был ранен и, широко разевая рот, никак не мог вдохнуть.

— Он сейчас прыгнет! — сказал Рябов Якобу про Митеньку. — Он ничего, зашибся, наверное, маненько. Я с ним поплыву, и ты тоже плыви с нами...

Опять просвистело ядро и впилося в палубу.

Якоб потащил Митеньку к пролому в борту, Митенька громко застонал, Рябов приказал:

— Прыгай, не жди! Прыгай!

Они прыгнули вдвоем, и кормщик прыгнул за ними. Уже в воде он ударился обо что-то головою, и холодная Северная Двина сомкнулась над ним».

Кадр из фильма «Россия молодая»

Может быть, Петр не смог бы так быстро создать свой флот без Архангельска и поморов? Из сухопутных помещичьих крестьян центральной и южной России ему было сложно набрать опытных матросов и судостроителей. Возможно, не используя морской опыт поморов, Петр I ещё долго плавал бы в своих потешных озерах.

В 1701 году Петр I основал новую столицу с выходом в Балтийское море — Санкт-Петербург. Зимой 1703 года для защиты города от шведов на берегу Финского залива было начато сооружение крепости Кронштадт. Работа проходила в напряжённом темпе, и весной 1704 года шведы, открывая навигацию, с удивлением обнаружили в заливе, который они ещё недавно считали своим, откуда ни возьмись появившуюся крепость, отныне закрывшую им подход к Невской губе.

* * *

Слово «юнга» пришло к нам из голландского языка во времена Петра I. В словаре Брокгауза и Евфрона в этой связи написано: «Основывая легендарный Кронштадт, Петр I открыл в нём первое в стране училище юнг». Сам император начал службу на флоте в чине каютного юнга. Первые русские юнги участвовали в морских сражениях при Гангуте, Чесме, Синопе, Корфу

и Гренгаме, воевали и погибали в Цусимском сражении. Для примера можно привести отрывок из дневника участника обороны Севастополя 1854 года в Крымской войне:

«Сын матроса 37-го флотского экипажа Максим Рыбальченко, мальчик двенадцати лет, во время самого сильного бомбардирования города, в продолжение 5, 6, и 7-го чисел октября, собирал летавшие в Аполлонову балку ядра и приносил их на бастион Кириллова. Товарищ Рыбальченко, сын матроса 30-го флотского экипажа Кузьма Горбаньев (14 лет) с первых дней осады Севастополя явился на четвертый бастион и просил определить его в состав артиллерийской команды. Кузьма Горбаньев в бою был ранен и после перевязки возвратился на свой пост».

Юнги служили на кораблях русского флота вплоть до начала XX века и несли свою службу наравне со взрослыми, без скидки на возраст. И в бой шли наряду с остальными матросами. Петровский указ о создании школы юнг положил начало системной подготовке специалистов для русского флота. Юнги изучали русский язык, закон божий, географию, физику, машинное дело, строевые занятия, физкультуру. В этой школе готовили минеров, артиллеристов, машинистов, рулевых, сигнальщиков. В 1912 году в Кронштадтскую школу юнг было «...подано прошений 1542. Не явились на медицинский осмотр 609 человек, явилось 933 человека. Держали экзамены 526 человек. Выдержали экзамены 345 человек. Состав принятых: крестьян — 259, мещан — 87, казаков — 9, дворян — 11 человек. По вероисповеданию: православных — 366 человек. В честь этого события был отслужен молебен. Командованием школы на имя морского министра была дана телеграмма следующего содержания: «Отслужив по случаю открытия школы юнг и помолвившись за здоровье императора и всей царской семьи, все присутствующие и вновь поступившие просим повергнуть к стопам его императорского величества их верноподданные чувства и уверенность служить верой и правдой на радость его императорского величества и дорогой Родине и флоту». Император ответил: «Искренне желаю полного успеха школе юнг и благодарю всех присутствующих на митинге». Среди окончивших Кронштадтскую школу юнг уже после 1912 года были будущий адмирал, Герой Советского Союза Иван Степанович Юмашев (1914 год выпуска) и будущий заместитель наркома Военно-Морского флота Гордей Иванович Левченко.

В 1945 году, в связи с окончанием Великой Отечественной войны, в Кронштадт была переведена Соловецкая школа юнг.

Мемориал «Рубежный камень»

Глава 4. Школа юнг на Валааме

В советское время первая школа боцманов (и при ней — школа юнг) была создана в 1940 году на острове Валаам на Ладожском озере для обучения юношей морскому делу и подготовки матросов.

С 1811 по 1917 год Валаам входил в состав Финляндского княжества Российской империи. После революции 1917 года и вплоть до 1940 года Валаам принадлежал Финляндии и там продолжал существовать основанный в 1407 году Валаамский монастырь. Поэтому остров образно называли Северным Афоном. В ходе Советско-финской войны в начале 1940 года монахи эвакуировались в Финляндию. После поражения Финляндии летом того же года в монастырских кельях обосновалась школа боцманов Военно-Морского Флота СССР. На трех этажах огромного монастырского здания готовились кадры младшего командного состава флота. Особым учебным подразделением школы стала рота юнг, в которую набирали ленинградцев, 15–16-летних юношей. Их было свыше сотни, и они мечтали о море и о походах:

«...И когда взорам ребят открылся живописный остров, скалистые берега, отшельничьи скиты, увитые диким плющом, бирюзовый купол старинного собора, венчавший вершину громадной, лесистой горы, — несказанное волнение охватило юнгов. Кто-то высоко подбросил фуражку, кто-то запел, кто-то крикнул, как когда-то кричали мореплаватели, открывшие Америку: — Земля, земля!». (А. Штерн. *Рота юнгов. Главное политуправление ВМФ. 1942*)

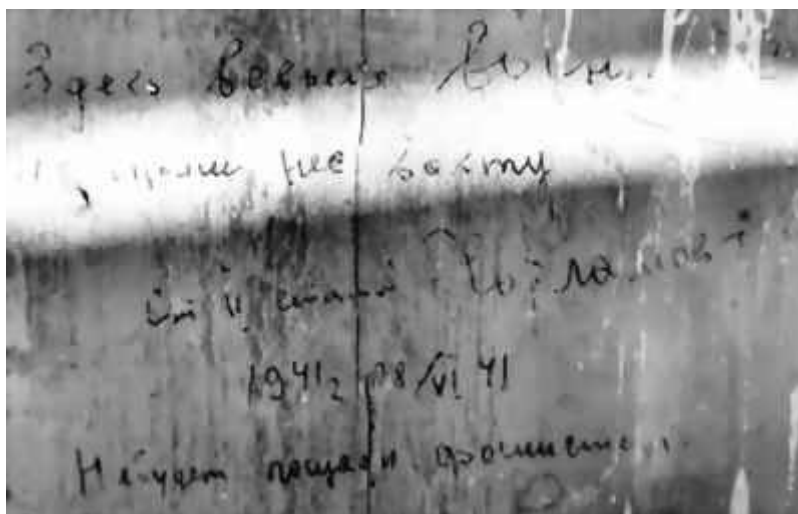
На острове базировался отряд учебных кораблей. В него входила шхуна Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе «Учеба», ее команди-

ром был интендант 3-го ранга Александр Аполлонович Матавкин. До 1917 года он учился в 1-м кадетском корпусе. В 1942-м на посту командира его сменил Михаил Федорович Пантелеев. Радистом на шхуне был юнга Дроздов, в мае 1942 года он поступил в Соловецкую школу юнг. С июля 1944 по ноябрь 1948 года при команде «Учёбы» состоял юнга Анатолий Иванович Гринин, в будущем инструктор по комсомолу в Ленинградском нахимовском училище.

Шхуной «Практика» командовал призванный в 1931 году из запаса Петр Федорович Ваганов. Он попал на флот 23 февраля 1918 года, а в декабре уже участвовал в разведывательном походе кораблей под командованием Ф. Ф. Раскольников. В 1919 году Ваганов поступил в училище командного состава флота (будущее училище им. М. В. Фрунзе) и 27 октября участвовал в бою курсантов с белогвардейскими войсками Юденича под деревней Разбегай, был ранен в руку. Двадцать курсантов тогда погибло, и сейчас на месте боев между Стрельной и Ропшей стоит памятник.

Первым начальником Валаамской школы боцманов и юнг был старший лейтенант Александр Иванович Востриков (в 1945 г. в звании капитана 3-го ранга он был награжден орденом Нахимова 2-й степени). Позднее его имя стало широко известно на флоте. Прославленный командир отряда морских пехотинцев под Ораниенбаумом и Туапсе был награжден четырьмя орденами Красного Знамени. Командиром роты был лейтенант Сливка, командирами отделений — Фастович и Бардас, любимым всеми старшиной роты — Богданов. И еще, как отца родного, мальчишки любили политрука роты, орденосца Даниила Лапина. Ему доверяли во всем. Командиром роты юнг был младший лейтенант Адольф Теодорович Генрих — душевный человек, отличный воспитатель, учивший юнг любить морскую службу.

Курсанты и юнги принимали участие в работах по переоборудованию помещений Валаамского монастыря под учебные классы и кабинеты, жилые кубрики, столовую и клуб. Курсанты проходили морскую практику — сначала на парусно-моторной шхуне «Учеба» на Ладожском озере, а затем на учебном корабле «Комсомолец» в Финском заливе.

«Здесь во время войны с немцами нес вахту ст. II статьи Харламов. 1941 г. 28.VI.41. Не будет пощады фашистам...» — автограф валаамского боцмана, колокольня Спасо-Преображенского собора на Валааме

В валаамские юнги брали с 15 лет, в этом возрасте одногодки значительно различаются в росте. У многих даже самые маленькие форменки свисали с плеч, а брюки собирались гармошкой, упираясь в пол. Все юнги без исключения болели морем и потому к занятиям относились самозабвенно. А знать нужно было очень много.

Доучиться юнги не успели — началась война, и они приняли боевое крещение. Во второй декаде июня 1941 года шхуны «Учеба» и «Практика» вывели курсантов на ладожские просторы для морских учений. Там и разыскал их катер со связным на борту. Он привез весть о начале войны с фашистской Германией. И сразу же в прошлом остались хождения под парусами, солнечно-мирные дни на сказочно красивом острове. Валаам с началом войны оказался на переднем боевом рубеже. 5 июля 1941 года была сформирована Ладожская флотилия, в нее вошел отряд учебных кораблей и множество гражданских пароходиков, которые успели собрать по Неве и Ладоге, — все, что плавало. Отряд транспортных шхун во флотилии 1941 года был одним из самых боевых. Шхуна «Практика» 22 июня стояла в Сортавальской бухте. Уже на следующий день парусник был вооружен спаренными пулеметами «Максим». Все передвижения шхун отныне считались боевыми походами. 24 июля отряд парусных шхун вышел в море, он обеспечивал боевые действия 168-й дивизии на Сортавальском направлении.

В начале войны к берегу Ладоги оказалась прижата крупная советская воинская часть: без продовольствия и боеприпасов погибли бы все. Для её спасения были направлены все плавсредства, какие только были на Ладоге. И юнги на своих шлюпках и парусных шхунах вывозили бойцов на Валаам. Все бойцы были спасены, позже их с Валаама переправили на «большую землю». Так валаамские курсанты и юнги совершили свои первые подвиги.

На острове Валаам все было приведено в боевую готовность. По всей территории вдоль побережья были оборудованы боевые позиции. Курсанты и юнги переоделись в армейскую форму: тяжелые ботинки, обмотки, зеленые гимнастерки. Им было разрешено ходить с открытым воротом, чтобы видна была полосатая тельняшка.

Памятник Героям Ладожской флотилии РКВМФ
в Монастырской бухте острова Валаам

Одно из последних упоминаний о валаамской школе юнг содержится в приказе командующего Ленинградским фронтом маршала Георгия Константиновича Жукова за № 0042 о передислокации 4-й бригады моряков и гарнизона острова Валаам. Во исполнение решения от 12 сентября 1941 года о снятии частей с островов Ладожского озера — Валаам, Коневец, Крестовские и Хиуниси-ма маршал Г. К. Жуков приказывал в двухдневный срок гарнизон Валаама (школу юнг и боцманов) направить на усиление Шлиссельбургского укрепленного сектора.

Канонерская лодка «Вира», которая всего три месяца назад, в мирное время, была землечерпалкой, доставила роту юнг в бухту Осиновец. Оттуда часть юнг вместе с курсантами боцманской школы ушла к Невской Дубровке и участвовала в боях на знаменитом «Невском пяточке». Это был первый десант, предпринятый с целью прорыва блокады Ленинграда, почти все его участники погибли. Другие были направлены в подразделения, державшие оборону на берегах Ладоги и Волхова. Валаамские юнги Петя Горбачев, Миша Артамонов, Витя Алехин, Коля Никандров и многие другие пали смертью храбрых. Считается, что из 200 обучавшихся в валаамской школе юнг в живых остались только десять человек. В январе 1942 года уцелевших валаамских юнг снова направили на обучение, в Школу катерных боцманов, поскольку флоту остро требовались корабельные специалисты. Теперь школа размещалась в блокированном Ленинграде. Школа находилась на Васильевском острове в Учебном отряде подводного плавания имени С. М. Кирова — в Дерябинских казармах.

На выезде из города Кировск Ленинградской области установлен мемориал «Рубежный камень» в память о защитниках «Невского пяточка», среди которых были и валаамские юнги. Этот небольшой участок земли возле Невы, размерами два километра на восемьсот метров, советские войска удерживали около 400 дней. Средняя продолжительность жизни солдата была там около 52 часов:

Вы, живые, знаете, что с этой земли
Мы уйти не хотели и не ушли.
Мы стояли насмерть у темной Невы.
Мы погибли, чтоб жили вы.

Роберт Рождественский

Глава 5. Адмирал Кузнецов

В Архангельске на набережной Северной Двины установлен памятник нашему земляку, адмиралу Кузнецову, начало военной службы которого проходило в Северо-Двинской флотилии. Накануне нападения Германии он возглавлял Военно-морской флот Советского Союза и принял решение о приведении всех флотов и флотилий страны в полную боевую готовность. Поэтому 22 июня флот встретил противника организованным огнём, не потеряв ни одного корабля. «Принимаю ответственность на себя», — воспроизводит слова адмирала надпись на памятнике. А многие ли сегодня, в мирное время, готовы в критической ситуации взять ответственность на себя?

Адмирал Николай Герасимович Кузнецов возглавлял советский военный флот с 1939 по 1946 год. Подводя итоги своей жизни, он писал: «Я никогда не страдал большим честолюбием и не стремился забираться на вершины служебной лестницы, но, признаться, мечтал стать командиром корабля — большого или малого — и, стоя на мостике, управлять им. Но судьбе было угодно в силу ряда причин то поднимать меня высоко, то кидать вниз и принуждать начинать службу сначала. Доказательством этого является буквально уникальное изменение в моих званиях. За все годы службы я был дважды контр-адмиралом, трижды — вице-адмиралом, носил четыре звезды на погонах адмирала флота и дважды имел высшее воинское звание на флоте — Адмирала Флота Советского Союза».

В 1917 году тринадцатилетний крестьянский сын Коля Кузнецов начал свою службу рассыльным в архангельском порту, а в 1919-м поступил добровольцем в Северо-Двинскую военную флотилию. Чтобы его взяли туда, приписал себе два года. Так потом делали многие соловецкие юнги, чтобы поступить в школу, открытую на Соловках по его приказу. Когда закончилась граж-

данская война, Кузнецов поехал в Петроград и поступил в военно-морское училище, бывший Морской кадетский корпус, где до революции учились князья и дворянские дети, в том числе адмирал Колчак. Преподаватели были бывшими царскими офицерами, чтившими традиции русского флота. Дух морского кадетского корпуса привил Кузнецову беззаветную любовь к России и веру в справедливость.

После окончания училища Кузнецову предложили штабную должность, но он попросился на Черноморский флот и был назначен на крейсер «Червона Украина», где последовательно прошел все ступени флотской службы. С 1 октября 1927 г. по 4 мая 1932 г. Н. Г. Кузнецов учился в Военно-морской академии, которую окончил с отличием и с правом выбора флота. А выбрал снова Черное море и отправился служить старшим помощником командира на крейсер «Красный Кавказ». Один из его сослуживцев той поры вспоминал: «После полугодового отсутствия я появился на крейсере “Красный Кавказ”. Увидел нового старпома Н. Г. Кузнецова и просто поразился произошедшим переменам. Разработан абсолютно точный распорядок дня, чего не было прежде. С точностью до минуты соблюдается корабельное расписание. Команда в безупречно чистом рабочем платье. Все, что каждому положено, делается в срок — увольнение, обед, баня. А тенты в жару на рейде? Раньше их с трудом успевали поставить за два-три часа — теперь вслед за командой “отдать якорь” шла команда “поставить тент”. И за 15–18 минут все палубы были под тентами. Новый старпом был ближе к команде, чем его предшественники, сам хлебнул матросской жизни. Не было у него фанаберии, которая сохранилась еще кое у кого от старого флота. Впервые новый старпом заставил всех командиров боевых частей, да и нас, флагманских специалистов, разработать методику боевой подготовки. Раньше никакой методики не было. Старослужащие обучали молодых, как и что нужно делать. Но это пригодно для одиночек. А действия подразделения? А взаимодействие? А учения по боевым частям, по кораблю в целом? Все, по сути, началось с крейсера “Красный Кавказ”. В полной мере эту работу Кузнецов развернул, когда стал командиром крейсера “Червона Украина”. Все потом вылилось в “Курс боевой подготовки” в масштабе флота. Мы тогда только “рожали” БУМС — временный Боевой устав Морских Сил. Над ним академия работала. А “Курс на корабле” — инициатива и заслуга Кузнецова».

В 1933 году Кузнецова назначили командиром крейсера «Червона Украина», а через два года ему присвоили звание капитана 1-го ранга. В декабре 1935 года Н. Г. Кузнецов был награжден орденом Красной Звезды, а в следующем году в Испании произошел фашистский мятеж генерала Франко и СССР стал оказывать испанскому правительству военную помощь. Кузнецова, как одного из самых авторитетных морских офицеров, срочно вызвали в Москву и назначили на должность военно-морского атташе и главного

военно-морского советника в сражающейся с фашистами Испании. Республиканскому флоту приходилось конвоировать транспорты, оберегать их от нападения кораблей противника, выходить в рейды. И на кораблях, и на подводных лодках сражалось немало советских моряков-добровольцев, чье присутствие там старались без необходимости не раскрывать. Николай Кузнецов был известен в Испании под именем дон Николас Лепанто. (Он взял эту фамилию в честь самой великой морской победы Испании — битвы при Лепанто, когда испанский флот разгромил турецкую эскадру. В этом сражении был ранен и лишился руки великий испанский писатель Мигель де Сервантес). Мало кто знал, что именно Николай Кузнецов координировал действия республиканского флота. Испания дала Кузнецову незаменимый опыт реальных военных действий, который потом пригодился ему в годы Великой Отечественной войны.

После возвращения на Родину он был назначен на новые должности: сначала заместителя, а затем командующего Тихоокеанским флотом, обеспечивал перевозки оружия, боеприпасов и военнослужащих во время конфликта с Японией у озера Хасан. Во Владивостоке Кузнецов провел первые тренировки по приведению флота в повышенную боевую готовность, которые также дали необходимый опыт, востребованный в 1941 году.

29 апреля 1939 года 34-летний Кузнецов был снова вызван в Москву и назначен Народным комиссаром ВМФ СССР: он был самым молодым наркомом в Союзе и первым моряком на этой должности (ранее наркомомы были комиссар Смирнов и чекист Фриновский; оба они были активными организаторами репрессий на флоте, и оба сами стали их жертвами). Новый нарком внёс большой вклад в укрепление обезглавленного чистками флота, провёл несколько крупных учений, лично посетил множество кораблей, решая организационные и кадровые вопросы.

Начался 1941 год, и первый приказ Наркомата ВМФ, вышедший в этом году, требовал открывать огонь зенитных батарей при появлении иностранных самолетов над нашими базами. На Севере и Балтике их активно облетали немецкие самолеты-разведчики. В марте немецких разведчиков обстреляли над Лиепаей, Либавой и Полярным. Кузнецов чувствовал приближение войны. Однако за бдительность при охране границы он получил выговор и еще легко отделался. Тем не менее, разработанная Главным морским штабом по личному указанию наркома ВМФ система оперативных готовностей ВМФ, позволяющая в кратчайшие сроки с соблюдением необходимых мер скрытности переводить силы флота в состояние немедленной готовности к отражению внезапного нападения противника, стала выдающейся заслугой Кузнецова. Всего было предусмотрено три степени готовности, учитывающие техническое состояние и уровень боевой подготовки кораблей и частей флота. В зависимости от этого они могли находиться в боевом ядре или в резерве.

К середине июня 1941 года отношения с Германией все сильнее обострялись. Оценив сложившуюся обстановку, Н. Г. Кузнецов принял решение своим приказом повысить боевую готовность флотов. Адмирал Кузнецов, рискуя даже не карьерой, а жизнью, приказал привести все флоты в боевую готовность № 2, всем базам и соединениям рассредоточить силы и усилить наблюдение за водой

и воздухом, запретить увольнение личного состава из частей и с кораблей. Вот что означают слова на его памятнике: «Принимаю ответственность на себя».

В соответствии с приказом 19 июня 1941 года Балтийский и Северный флоты были приведены в оперативную готовность № 2. 20 июня Черноморский флот завершил учение и вернулся из района Одессы в Севастополь. Флоту был дан приказ оставаться в оперативной готовности № 2. Военное руководство СССР знало об этом и пребывало в нерешительности. Против проводимых в Военно-Морском Флоте мероприятий по повышению боевой готовности возражений не было, но не было и их одобрения. До самого последнего момента нарком обороны С. К. Тимошенко не решился направить директиву командующим войсками военных округов о повышении готовности, что сыграло свою печальную роль на начальном этапе Великой Отечественной войны.

Лишь в 23.00 21 июня нарком обороны маршал Тимошенко сообщил Кузнецову о возможном нападении в эту ночь фашистов. Флотам немедленно была объявлена оперативная готовность № 1. И в полночь военно-морские силы были готовы к отражению агрессии. Военно-Морской Флот первым в 3 часа 15 минут встретил врага огнем атаки и не потерял ни одного корабля или самолета. Фактически моряки и флот были спасены от полного разгрома. А в пять часов утра под свою ответственность нарком ВМФ приказал передать флотам, что Германия начала нападение на наши базы и порты, которое следует отражать силой оружия. Тогда, в три часа ночи 22 июня, доложив в Кремль о налете на Севастополь, адмирал Кузнецов, не дожидаясь указаний сверху, приказал всем флотам: «Немедленно начать постановку минных заграждений по плану прикрытия». Вышедшие в море тральщики прикрыли минным кольцом наши базы, поставили минные банки на путях германских конвоев. Флоты и флотилии начали действовать согласно предвоенным планам обороны. Больше того, в тяжелейшем для страны августе 1941 года, по предложению адмирала Кузнецова, советская морская авиация 10 раз бомбила Берлин.

Во время войны Н. Г. Кузнецов оперативно и энергично руководил флотом, координируя его действия с операциями прочих Вооружённых Сил. Был членом Ставки Верховного Главнокомандования, постоянно выезжал на корабли и фронты. Флот предотвратил вторжение на Кавказ с моря, оказывал помощь союзникам, сопровождал корабли арктических конвоев. В 1944 году, накануне Великой Победы, Кузнецов единственный получил новое высшее воинское звание «Адмирал флота», приравненное к званию Маршала Советского Союза. После победы над Германией организовывал взаимодействие Тихоокеанского флота и Амурской флотилии с частями Красной Армии в войне с Японией. 14 сентября 1945 года Николай Герасимович Кузнецов стал Героем Советского Союза.

Именно по инициативе адмирала Николая Герасимовича Кузнецова в годы Великой Отечественной войны была создана Соловецкая школа юнг. Шёл 1942 год. Июль проходил в ожесточённых схватках с врагом. Тяжёлые, кровопролитные бои шли на Севастопольском участке фронта, на Курском направлении, в районах Воронежа, Новочеркаска, Ростова. Совсем скоро должна была начаться битва за Сталинград.

Утверждаю.
Народный Комиссар
Военно-Морского Флота Союза ССР
адмирал Н. Кузнецов
25 мая 1942 г.

ПОЛОЖЕНИЕ о юнгах Военно-Морского Флота Союза ССР

I. Общее положение

1. В целях создания кадра будущих специалистов флота высокой квалификации учредить в Военно-Морском Флоте институт юнгов.
2. Юнги набираются в ВМФ в добровольном порядке через комсомольские организации из числа юношей в возрасте 15—16 лет с образованием 6—7 классов средней школы.
3. Прохождение службы юнгов слагается:
 - а) из обучения в специальной школе юнгов продолжительностью 12 месяцев;
 - б) из практического плавания на кораблях флота до достижения призывного возраста.
4. При достижении призывного возраста бывшие юнги автоматически зачисляются на действительную военно-морскую службу и проходят ее на общих основаниях.
5. Время обучения в школе и практическое плавание до достижения призывного возраста в срок действительной военной службы не засчитываются.
6. На юнгов с момента зачисления в школу полностью распространяется «Дисциплинарный устав Военно-Морского Флота».
7. Для юнгов устанавливается:
 - а) краснофлотская форма, но лента на бескозырке без свободно выпущенных концов, а бантом на правой стороне и надписью «Школа юнгов ВМФ». Эту форму юнги носят до зачисления на действительную военную службу;
 - б) продовольственное довольствие по нормам Военно-Морских Учебных Заведений на время обучения в школе. На время практического плавания юнгов на кораблях они довольствуются на общих основаниях с личным составом корабля.

II. Школьная подготовка

1. Теоретическую подготовку и первоначальные практические навыки по специальности юнги получают в специальной школе юнгов Военно-Морского Флота.

Именно в это время, в июле 1942 года, на советском флоте появилось воинское звание — юнга. Приказом Народного комиссара Военно-Морского флота СССР, адмирала Николая Герасимовича Кузнецова, от 25 мая 1942 года за № 108 вводилось в действие Положение о юнгах ВМФ. В нём говорилось: «В целях создания кадров будущих специалистов флота высокой квалификации, требующих длительного обучения и практического плавания на кораблях ВМФ, приказываю:

1. 1 августа 1942 года сформировать при учебном отделе Северного флота школу юнг ВМФ с дислокацией на Соловецких островах. Плановые занятия начать 1 сентября 1942 года.

2. Школу юнг подчинить командиру учебного отряда Северного флота.

3. Школу укомплектовать юношами в возрасте 15–16 лет, имеющими образование в объеме 6–7 классов, исключительно добровольцами.

4. Прохождение службы юнг слагается: а) из обучения в специальной школе юнгов продолжительностью 12 месяцев; б) из практического плавания на кораблях флота до достижения призывного возраста...»

В приказе приведен перечень специальностей, по которым шла подготовка юнг, указывался порядок формирования и материального обеспечения школы. Одновременно вводились в действие «Положение о юнгах ВМФ СССР» и «Правила приема в школу юнг ВМФ».

Николай Герасимович Кузнецов был человеком выдающихся моральных качеств. Он никогда не допускал грубости и унижения человеческого достоинства, оскорблений и угроз даже по отношению к тем, кто этого заслуживал. Кузнецов наказывал подчиненных только в том случае, если иначе поступить было нельзя. При этом наказанный, как правило, уходил, убежденный в справедливости наказания. Кузнецов не был злопамятным человеком, никому не мстил и не сводил личные счеты. Стойко переносил неприятности и неблагодарность людей, обязанных ему своим положением, терпеть не мог жалости и сочувствия. Николай Герасимович не умел и не пытался хоть как-нибудь подхалимничать перед начальством, а такое свойство характера крайне редко можно встретить и в наши, мирные дни, не то что в то жестокое время. Более того, Кузнецов не боялся прямо возражать начальству, если чувствовал себя правым. Не случайно памятник Кузнецову, возвышающийся на набережной Северной Двины и словно охраняющий мирный покой архангелогородцев, воспроизводит главные слова адмирала: «Принимаю ответственность на себя».

Школа юнг в Савватьево. Рисунок соловецкого юнга Ивана Дудорова

Глава 6. Как всё начиналось (организация школы юнг на Соловках)

Широкого оповещения о наборе в школу не было, потому что опасались излишнего энтузиазма среди подростков и массовых побегов на флот. А набирать было из кого. Многие подростки были заняты в тылу: работали на заводах, участвовали в тушении пожаров после ночных авианалётов. Было много и беспризорников, потерявших родителей на войне или вышедших с оккупированных территорий. Поэтому набор производился по специальной разрядке ЦК ВЛКСМ в г. Москве и еще восьми областях. Всего планировалось набрать 1,5 тыс. юношей 14–15 лет, имевших 6–7 классов образования. Несмотря на все меры секретности, желающих всё равно было очень много, конкурс был велик. Городские и районные комитеты комсомола осаждали тысячи мальчишек, стремившихся поступить в Школу юнг ВМФ. Подростки мечтали о романтике морских плаваний, подвигах, славе. Были и те, которые хотели нормально питаться и иметь крышу над головой.

Уже при поступлении в Школу мальчишки сталкивались с трудностями, а иногда и с крушением всех надежд. Для начала кроме заявления нужно было предоставить:

- 1) выписку из ЗАГСа о рождении;
- 2) справку о состоянии здоровья;
- 3) справку об образовании;

4) автобиографию;

5) справку с места работы о согласии отпустить (если кандидат работал).

Преимуществом при поступлении в Школу юнг пользовались сыновья рядовых, старшин и офицеров ВМФ и Красной Армии, воспитанники детских домов, а также опекаемые дети.

Отсев кандидатов происходил, в основном, по причине непригодности к службе на флоте по медицинским показаниям (слабые слух, зрение, низкий рост).

Комплектование школы будущих юнг осуществлялось под Архангельском, на острове Бревенник. Сотни мальчишек из Московской, Кировской, Свердловской, Горьковской, Ярославской, Куйбышевской, Саратовской и других областей по зову сердца, по путёвкам комсомола прибыли сюда, чтобы поступить в Школу юнг. Некоторые ребята приехали из партизанских отрядов оккупированной Смоленской области. Они уже успели побывать в схватках с врагом и были награждены боевыми орденами. На медкомиссию явился и уроженец одной из деревень Холмогорского района Архангельской области Гена Вершинин. Претензий по здоровью к нему не было, но был недовес, о чём военврач доложил представителю школы. Капитан 3-го ранга посмотрел документы и с восторгом воскликнул: «О, да это помор! Человек надёжный. Такого берём, откормим. Боцманом торпедного катера пойдёшь?» Что это такое, Геннадий представления не имел, но согласился.

Несмотря на условие добровольности, при поступлении в школу требовалось обязательное согласие родителей. Не каждая мать решалась дать такое согласие, ведь школа школой, а мальчишки, окончившие её, получали направления на боевые корабли.

«Мы отправились в обком комсомола, чтобы записаться в юнги, но все оказалось не так просто, — вспоминал другой соловецкий юнга, Александр Григорьевич Архипов. — Нам было сказано, чтобы принесли согласие от матерей. Но как это сделать? Ведь наверняка моя мать не согласится, да и у Левы тоже.

— Сашок, — сказал мой друг, — давай я напишу тебе согласие, а ты мне. Идет?

И сошло, только его подвели легкие на медкомиссии. В день отправления я был вынужден сказать матери, что уезжаю.

В Архангельске мы впервые узнали, что значит настоящая флотская медицинская комиссия. Девушки-краснофлотцы, не улыбаясь, водили нас, голых мальчишек, из кабинета в кабинет. Строгие врачи прослушивали, простукивали, крутили на вертящихся стульях, проверяли наши легкие, сердца и умение адаптироваться при большой качке.

Соловецкий юнга А. Г. Архипов

Да, отбор был строгим, и многие этот барьер преодолеть не смогли. Ну, а в другом кабинете заседала мандатная комиссия. Командиры-моряки задавали вопросы о быте семьи, кто отец и кто мать, какие оценки были в школе». (Соловецкий юнга Александр Григорьевич Архипов)

«Попасть в школу юнг было непросто, предстояло проходить строгую медицинскую комиссию, потом комиссию техническую, определявшую степень грамотности, и мандатную. Мой товарищ Славка Остроумов выскочил от глазного врача со слезами на глазах: не взяли по зрению. Рядом сидел другой мальчик из Московской области. “— А я комиссию прошел, но уже хочу домой”, — как-то совсем по-детски захныкал мальчишка. “— А вы махните документы, благо фотокарточек нет”, — пришла мне в голову счастливая мысль. Так и сделали. Остроумов под новым именем поехал в школу, а тот мальчик с его документами — домой». (Соловецкий юнга Рейнгольд Карлович Вид)

Соловецкий юнга
Рейнгольд Карлович Вид

В Архангельск прибыл и будущий соловецкий юнга Иван Дудоров:

«Группа ребят, не успевших сдать гражданскую одежду, решила посетить известный базар в Соломбале. Бесцеремонность подростков создала там переполох вплоть до вмешательства комендантского патруля. Командование флотского экипажа с особой озабоченностью восприняло случившееся. Такой массовой самоволки с последствиями в истории Северного Флота еще не случалось. После возвращения ребят с базара состоялось общее построение. Строем командовал старшина 1-й статьи — боцман. Он был уже в преклонных годах, чувствовалось, что призван в военное время, успел послужить в царском флоте. Боцман скомандовал “Смирно!”, а следующая команда была: “С правого фланга рассчитайсь!”

— Первый, второй, третий...

Старшина не только слушал названный номер, но и пристально вглядывался в лицо каждого юнга, держа перед собой сжатый кулак правой руки. Так он прошел до самого шкентеля (короткий трос, служащий для подъема шлюпок или груза). Повернулся, подошел к батальонному комиссару и доложил:

— Личный состав построен, потерь нет.

Комиссар подошел ближе к строю и обратился:

— Товарищи! Вы прибыли служить в Военно-морской флот. Боеспособность флота всегда зависела от строгой дисциплины и выполнения уставных

требований. Флот за первый год войны потерял лучших специалистов. Они ушли с кораблей сражаться в морской пехоте.

Вдруг послышалась песня:

— Эх, махорочка, махорочка,
породнились мы с тобой!
Вдаль глядят дозоры зорко,
мы готовы в бой, мы готовы в бой!

Ребята увидели, что по плацу шел строй девушек и они пели песню. Комиссар сказал:

— Видели?! Мы вынуждены сейчас призывать девушек на различные штабные и хозяйственные работы. Вас никто не призывал. Вы пришли на флот добровольцами. Если кто передумал и не хочет служить на флоте, выходите из строя. Считаю до трех, подумайте.

Никто из строя не вышел.

— Я верю, что из вас получатся хорошие корабельные специалисты и моряки тоже. Боцман, командуйте.

Боцман сказал тихонько:

— Архаровцы, направо». (*Иван Дудоров. «От родной соловецкой обители»*)

К 1 сентября 1942 года в Школу юнг было направлено 1 192 человека. На 18 сентября 1942 юнгами ВМФ стали 1307 человек. Это был первый набор в школу. Но, к сожалению, на местах довольно нерадиво отнеслись к отбору кандидатов, поэтому уже на сборном пункте в Архангельске, да и по прибытию на Соловки, часть подростков отсеивалась по различным причинам. В 1942 г. пришлось даже в срочном порядке проводить дополнительный набор кандидатов в Архангельске и Молотовске (ныне город Северодвинск). Самым большим набором стал последний, третий (1944–1945 гг.) — 1 тыс. 428 человек, а самым маленьким — второй (1943–1944 гг.) — 1,3 тыс. человек.

По рассказам участников тех событий, первых мальчишек привезли ночью в жуткий шторм — так было безопасней: немецкие подводные лодки дежурили в Белом море. С романтическими иллюзиями пришлось практически сразу расстаться:

«Из гуци юнг раздалось протяжное нараспев: “Соловки-и-и...” А кто-то сказал довольно громко: “Соловки — это же СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения. За что нас?” Дежурный строго сказал: “Не беспокойтесь, сейчас на Соловках ни политических, ни уголовников нет. Сейчас там функциони-

Соловецкий юнга Иван Дудоров

рует учебный отряд Северного флота. Некоторые уголовники, отсидевшие срок, остались жить и работать на Соловецких островах”.

Возле штаба прибывших встретил первый начальник школы, капитан второго ранга Иванов. Он подошел к строю, поздоровался и начал говорить:

— Вы прибыли сюда, чтобы овладеть военно-морскими специальностями, военно-морской практикой. Корабли флота нуждаются в пополнении. Народный комиссар Военно-морского флота Николай Герасимович Кузнецов подписал приказ о создании школы юнг. Первого сентября должны начаться занятия. Школа должна подготовить мотористов, корабельных электриков, артиллерийских электриков, рулевых, радистов, боцманов, сигнальщиков. Я должен предупредить вас, что вам придется трудно. В гарнизоне нет помещений, где можно расположить полторы тысячи юнг. Вам придется завтра или послезавтра совершить 12-километровый переход в Савватьево. Там будете строить школу сами. Она должна состоять из 25 землянок, каждая на 50 человек. Чертежи землянок и месторасположение их определены. Командование гарнизона и учебный отряд по возможности будут помогать. Наш гарнизон далеко от линии фронта, но немецкие самолеты летают на Архангельск для бомбежки важных объектов и уже бомбили нас. Вот этот корпус авиационной бомбы, которая не разорвалась, мы обезвредили и поставили рядом со штабом в знак напоминания». *(Иван Дудоров. «От родной соловецкой обители»)*

Кадр из фильма «Юнга Северного флота»

Морская форма, выданная юнгам, огорчила их: она топорщилась, свисала с худеньких плеч, немало пришлось потрудиться, чтобы форма стала придавать её обладателю бравый вид. А бескозырка! Многие мальчишки от обиды чуть не плакали: вместо длинных лент с якорями — аккуратный «девчоночий» бантик и надпись «Школа Юнгов ВМФ». Юнгам объяснили: право носить ленты и погоны ещё надо заслужить.

Началось строительство школы.

«Не дети, как принято сейчас истолковывать, а вполне здоровые 15–16-летние ребята с энтузиазмом и задором вгрызались в соловецкую землю не только в ожидании зимних холодов, но и в осознании своей принадлежности флоту, надев на себя всепобеждающий символ — тельняшку. Еще Наполеон говорил: «Самый лучший солдат это солдат в шестнадцать». (Иван Дудоров. «От родной соловецкой обители»)

Сложнее всего пришлось юнгам первого набора, потому что материальной базы для школы ещё не было и ребятам пришлось её создавать самостоятельно. Для размещения Школы юнг на Соловецких островах был выделен бывший Савватьевский скит, в котором стояло полуразрушенное здание церкви, каменный корпус, и бывшая деревянная гостиница для паломников. Эти здания отвели под учебные корпуса, а юнги разбили палатки и начали рыть землянки. Им приходилось копать землю, корчевать пни, ворочать камни-валуны, валить строевой лес и таскать его на неокрепших плечах. «Вспоминается, как группа юнгашей (15–20 человек) тянут из котлована огромный камень, силёнок не хватает, плачут, а тянут...», — писал бывший комиссар Школы юнг С. С. Шахов.

Соловецкий юнга Иван Дудоров вспоминал, как ребята занимались строительными работами под руководством местного жителя. Его звали Фёдор. Когда они потом мылись в бане, ребята увидели, что его грудь разрисована татуировками, и выяснилось, что он служил на флоте, в 1921 году был участником Кронштадтского восстания против большевиков, а потом находился в заключении на Соловках. Освободившись, остался там жить и работать как вольнонаемный.

«Фёдор отсчитал пятьдесят метров от ручья, который проходил недалеко от скита, к деревянному дому. Сделал разметку и сказал:

— Вам спецзадание. Нужно выкопать траншею, которая будет служить окопом, если неприятель станет наступать со стороны леса, или убежищем в случае налета вражеской авиации. Траншея должна быть длиной три метра, шириной метр двадцать, глубиной полтора метра. Землю отбрасывать в сторону леса, чтобы образовался бруствер.

Остальных четверых Федор увел с собой для изготовления распорок. Траншея выкапывалась споро. К счастью, не попадались большие валуны. Четверо юнг с Фёдором стали приносить бревна, подлиннее и покороче. Принесли четыре доски с полукруглыми вырезами. Когда всё собрали, на траншее оказалось шесть круглых отверстий диаметром сантиметров по тридцать. Фёдор построил юнг, объявил им благодарность:

— Молодцы. Теперь это место будет называться гальюном. Запомните, туалет на корабле зовётся гальюном. Любую стройку нужно начинать с построения дороги и гальюна. Запишите в свои тетрадки, что получили первую благодарность за образцовое выполнение спецзадания в августе 1942 года.

Фёдор обладал традиционным флотским юмором. А юмор на флоте — это главный калибр». (Иван Дудоров. «От родной соловецкой обители»)

Ежедневно с утра происходил подъем, короткая зарядка, завтрак и переход строем к месту расположения будущих землянок. Работали все дни напролёт с короткими десятиминутными перерывами. Мальчишеский энтузиазм заменил технику, и дело шло. После работы отправлялись отдыхать в холодные палатки, где постелью были матрасы, набитые травой, и наволочки с хвойными ветками. Накрывались байковыми одеялами. Командиры рот и учебных смен жили в таких же условиях, как и юнги. С середины сентября по ноябрь на Соловках шли бесконечные дожди, когда было особенно тяжело перекатывать огромные валуны. А они перекатывали. Не могли перекатить — раскаляли и обливали водой, пока не треснет, и тащили по частям. И построили городок к зиме. Строительство городка было окончено к ноябрю. Он расположился в лесу, на берегу живописного озера, получившего название «Купальное». Выкопали и обустроили тридцать полуземлянок-кубриков. Возвели учебные корпуса на 42 класса, небольшую баню, прачечную, клуб на 200–250 мест, жилой дом для семей офицеров, столовую на 500 мест, камбуз, хлебопекарню и санитарную часть.

Кадр из фильма «Юнга Северного флота»

Поселились юнги в землянках каркасного типа вместимостью 52 человека каждая с койками в три яруса и печками-буржуйками. Поначалу даже света не было, зажигали коптилки — железные чернильницы с фитилями, в которых в качестве горючего использовали рыбий жир, выдаваемый для смазки ботинок. Стены от такого освещения были чёрными. Позднее поставили движок и провели ток.

Но юнги стойко, как и подобает военным, переносили трудности и лишения. Ходили в наряды, старались строго следовать уставу, усердно учиться. Понимали, что от знаний, полученных ими в школе, будет в дальнейшем зависеть их жизнь на войне.

Глава 7. Как жили и чему учились юнги

7 ноября 1942 года с торжественным принятием воинской присяги первый набор юнг приступил к учебе. Через несколько месяцев выявилась недостаточная обеспеченность школы в Савватьево в хозяйственном отношении, и часть юнг была переведена в Кремль. Таким образом, школа юнг разделилась на две части.

На Соловках стояло несколько зенитных батарей, охранявших Кремль. Немцы знали, что на Соловках находится учебный отряд Северного флота. Перелёт от линии фронта занимал всего пятнадцать минут. Поэтому они беспощадно бомбили Большой Соловецкий остров. Сбрасывали зажигательные бомбы, от которых горел лес, травили с самолетов воду в озерах. Юнги тушили лесные пожары, несли круглосуточное дежурство: ведь диверсанты могли высадиться на островах с подводных лодок и с самолетов.

Распорядок дня юнг был таким:

6 часов утра: подъём, построение, бег, физзарядка, заправка коек, приборка кубриков и территории, умывание.

8 часов утра: завтрак.

С 8 до 13 часов: общие и специальные занятия, строевая подготовка, обучение приёмам рукопашного боя, изучение пулемета, автомата, гранаты, стрельба и метание боевой гранаты в цель. Морская практика, практические занятия в технических кабинетах, занятия по химической защите и санитарному делу.

13 часов: обед.

С 14 до 16 часов: практические занятия, морское дело, шляпочные занятия.

С 16 до 17 часов: свободное время.

С 17 до 19 часов: общественно полезный труд, самоподготовка, утверждение нарядов на дежурство.

19 часов: ужин.

С 20 до 22 часов 30 минут: свободное время.

22 часа 30 минут: вечерняя поверка и отбой.

Юнга с сигнальными флажками. Рисунок соловецкого юнга Ивана Дудорова

Юнги несли караульную службу и полностью обслуживали себя.

«И сегодня, за далью времени, у каждого юнга не вытравились из памяти картофельные наряды, — вспоминал соловецкий юнга Виталий Гузанов. — Нет слов, работа на камбузе не всем нравилась. За исключением, пожалуй, тех, кто не мог представить себе жизни без интереса к кастрюлям. Были такие, чего греха таить. Мы их называли жлобами. Но иногда приходилось чистить картошку ночью — сущее наказание. Особенно зимой. В завьюженную ночь стены камбуза не спасали. Задувало во все щели: в пазы окон, двери, а через порог позёмка наметала снег. Юнг пробирало так, что зуб на зуб не попадал. Закоченевшие руки не держали нож. А норма была все та же — дюжина мешков».

«Первое впечатление от мешков с картошкой было такое, как будто они набиты грязью, — рассказывал соловецкий юнга Федор Храмов. — Причем из полузамерзшего месива надо было извлечь картофелину. И, почистив её, помыть в чистой озерной воде. На Севере и летом вода холодная, поэтому можно представить себе наши руки после этого удовольствия. Но мы придумали выход: большая часть картошки при каждом удобном моменте оказывалась в снегу, подальше от всевидящего ока шеф-кока Московского. В обед или

ужин мы пожинали результаты картофельного наряда. В общественном котле и, конечно, в наших мисках оседало ровно столько картошки, сколько мы начистили. Короче говоря, мы сами себя наказывали».

Руководство школы выставляло часовых возле продуктовых складов. Зимой при заступлении на пост юнги одевали валенки и тулуп. Им выдавались не боевые винтовки, а предназначенные только для устрашения. Охраняли продукты, из которых ежедневно готовили еду. Обычное меню в школе юнг было таким: суп из трески, картошка, каша овсяная или суп гороховый и соевая каша. На третье — компот. И трижды в день отвар из хвои перед едой от цинги. Очень горький, противный, но, как тогда считали, полезный. Прием пищи происходил в бывшей трапезной.

«Прозвучала команда:

— Заходите в помещение! Бегом по трапу!

Это традиция: называть любую лестницу на флоте трапом. Вошли в большое помещение монастырской трапезной. Справа и слева столы. Посередине трапезной — столб. От столба идут своды влево, направо, вперед, назад. Команда:

— За столы. Садиться по десять человек.

На обед был борщ из солонины, каша из овсяной крупы и традиционный флотский компот из сухофруктов. Через какое-то время снова команда:

— Встать! Отставить!

По команде “Встать!” должны вставать все сразу. И снова:

— Встать! Отставить! Встать! Выходи строиться!

Так начиналось воспитание и привыкание к воинской дисциплине и воинским порядкам». (*Иван Дудоров. «От родной соловецкой обители»*)

В целом кормили сытно, не сказать, чтобы разнообразно. Кто-то из юнг даже сочинил стишок: «Сечку, гречку и овёс нам хозяйственник принёс». Поэтому мальчишки ловили в лесу прятавшихся под берегом озера в гнездах уток, обмазывали их глиной и запекали на раскаленных углях на костре. После того как глина превращалась в черепицу, разбивали ее и отделяли от мяса вместе с перьями, удаляли внутренности, солили и с удовольствием ели. Кроме того, собирали бруснику, приносили в землянку, ссыпали в бочку с водой и зимой пили этот настой — восполняли недостаток витаминов.

Кадр из фильма «Юнга Северного флота»

Юнг приучали к чистоте и опрятности. Чистота на корабле при большой скученности — залог здоровья экипажа. Приборки (уборки) тщательнейшим образом проверялись старшиной. Переделывали столько раз, сколько надо было до достижения идеальной чистоты.

Юнг тренировали быстро выполнять приказы. С самого начала учёбы озорники и непоседы обязаны были подчиняться суровой дисциплине, ведь с момента зачисления в школу на юнг полностью распространялось действие «Дисциплинарного устава ВМФ». И мальчишки зубрили уставы, занимались строевой подготовкой, несли караульную службу и чистили на камбузе картошку. Некоторым это пришлось не по вкусу. Соловецкий юнга, писатель Виталий Григорьевич Гузанов, рассказал о попытке бежать на фронт:

«В первые дни жизнь в Савватееве, как я уже говорил, многим показалась несладкой. Уезжая из дома, каждый юнга мечтал, что он сразу же будет служить на корабле и на ленточке загорится золотом название эсминца “Грозный” или “Стремительный”... А тут приходится нести караульную службу, мокнуть под дождем и снегом, по вечерам зубрить уставы, правила для предупреждения столкновений судов в море, общие положения шлюпочной сигнальной книги ВМФ... И никакой тебе романтики! Грустно. Кто-то из юнгобоцманов подал мысль: бежать на фронт! Мы знали, что линия нашей обороны проходила где-то у станции Лоухи, недалеко от Кемь. А Кемь — на материке. Только переплыть море. Но как удрать и на чем? За лесом и моря не видно. Но мы знали — оно рядом, у деревни Новая Сосновка. Там и лодку можно раздобыть у рыбаков. Надежды, надежды!.. Как потом оказалось, мы не были одиноки. В назначенный день, когда мы уложили в вещмешок сухари и пожелтевшие кусочки сахара, все три роты построили по большому сбору у штаба. Вышел начальник школы юнг.

— А разве легко было матросам семнадцатого года? — обратился он к строю. — Революция говорила: надо! Военморы отвечали: будет! Через три года те, кто остался жив, вернулись на флот. Мертвыми стояли корабли в гаванях... “Дай срок, — говорили краснофлотцы, — мы возродим тебя, Красный Флот!” И возродили. Вы же, сыновья комсомольцев двадцатых годов, хотите бежать от трудностей, хнычете... А разве отцам вашим на фронте легко?...

Сначала мы не понимали, в чем дело. А потом из штаба дежурный привел троих мальчишек, и мы поняли: сорвалось.

Николай Юрьевич Авраамов говорил еще долго, но настолько убедительно звучали его слова, что нам стало стыдно за еще не содеянный поступок. Потом мы признались ему во всем. Капитан 1-го ранга посмотрел на нас и строго произнес:

— Сухари сдать на камбуз!

И все. Сказал, как точку поставил. И даже обиды не было, что мы экономленый паек отдали в общий котел. Он разговаривал с нами как со взрослыми. И до конца дней моих в Школе юнг я не помнил случая, чтобы он считал нас мальчишками, маленькими сорванцами. А если и считал, то не показывал вида». (*Соловецкий юнга Виталий Гузанов*)

Соловецкий юнга Альберт Иосифович Семушин вспоминал, что беглецов сначала наказали, а потом отметили в приказе за то, что сумели выдержать два дня в тяжелейших условиях и проявили завидное мужество.

Перед началом учебы под председательством начальника Школы юнг Николая Ивановича Иванова работала комиссия из 13 человек «для проверки прибывающих юнгов и распределения их по специальностям»: боцман флота, рулевой, радист, артиллерийский электрик, моторист, электрик, торпедный электрик, боцман торпедных катеров, боцман надводных кораблей, штурман. Члены комиссии учитывали прошлую специальность, если она была, а также желания и наклонности каждого юнга.

Юнги-радисты в учебном классе

После этого потекли напряжённые дни учёбы. Ребят разделили на два учебных батальона. В каждом батальоне — три роты. Роты делились на смены. В смене — 20–25 юнг.

«Учиться было нелегко. Занятия проходили в бывших монастырских кельях, переоборудованных в классы (в Соловецком Кремле), и в землянках (в Савватьево). Не хватало мебели, поэтому на занятиях в землянках юнгам приходилось сидеть на нарах. Трудно было с дровами. В холодных классах, случалось, и чернила замерзали, и ребята, чтобы согреться, притопывали ногами.

Не хватало учебников. Нередко один учебник приходился на одну смену, то есть на 20–25 человек. Достать электролампу, 100 тетрадей или мел для доски часто было сложной задачей.

Юнги на занятиях

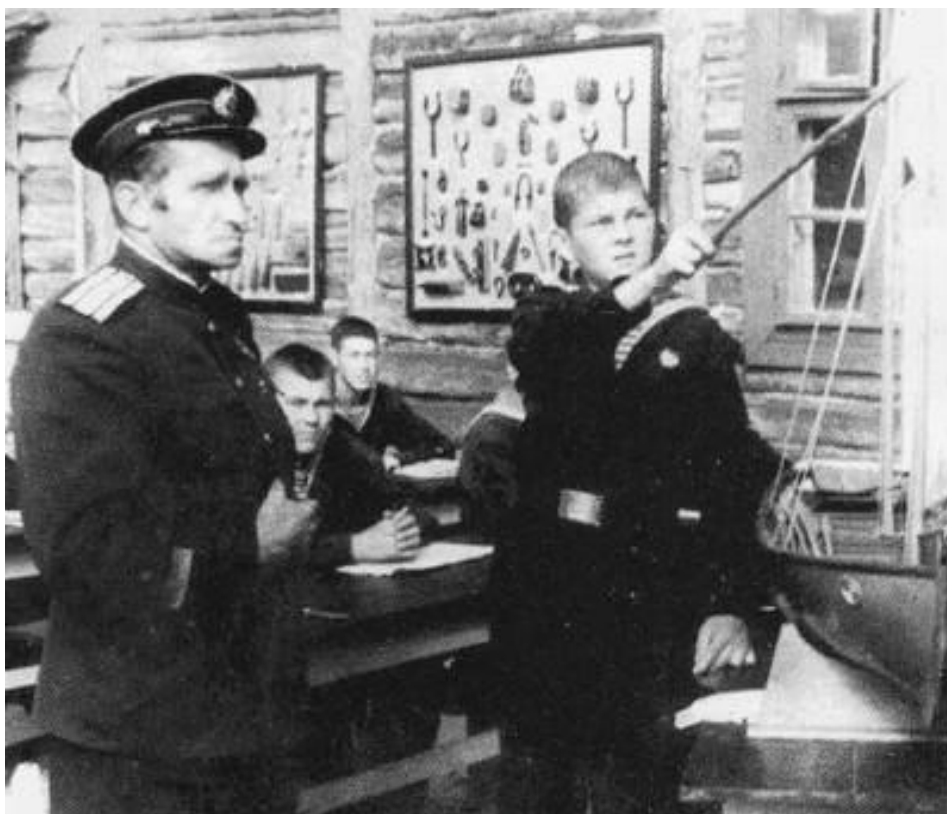
Большинство юнг учились на четверки и пятерки. Большим событием было принятие присяги. И сейчас многие удивляются, как мы в пятнадцать лет принимали присягу, когда полагается в восемнадцать? Другие были времена, надо было опережать события». (*Соловецкий юнга Сергей Сергеевич Богданов*)

Да, иногда случались нарушения дисциплины. «Здесь стало хорошо, — записал в мае 1943 года в своем соловецком дневнике юнга Боря Московский. — Озёра очистились ото льда. Листья распускаются. Вообще все растёт, распускается. Написал маме письмо, чтобы крючков прислала. Хорошо бы кораблик небольшой построить... В выходной день, после того как я вымылся и постирался, пошёл на улицу. Старшина велел возле бани ждать, пока все не постираются. На другой стороне росли первые цветки. Мы пошли их срывать. Командир роты заметил нас и приказал подойти к нему. Мы убежали и спрятались за галюном. Он обошел вокруг бани и, увидев нас, приказал подойти к нему. Всех троих спросил: — Какие взыскания имеете от меня? — Никаких. — Десять суток простого ареста».

Согласно учебному плану юнги изучали следующие предметы:

1. Специальность
2. Общевоинская подготовка
3. Военно-морское дело
4. Общеобразовательные предметы: русский язык, математика, физика, география и черчение
5. Политическая подготовка

Программа годового обучения была большой и разнообразной. «Без знаний в море нечего делать, — повторял начальник школы юнг Авраамов, — разве что рыб кормить». Кроме предметов по своей специальности юнги изучали и смежные дисциплины, чтобы в случае гибели товарища на время заменить его.

Начальник школы юнг капитан 1-го ранга Н. Ю. Авраамов ведёт занятие по морскому делу (1943 год)

Соловецкий юнга Ю. Н. Агафонов вспоминал, чему учили его по специальности: «Мы, рулевые, изучали не только навигационные приборы, но и штурманское дело, хорошо умели вести прокладку курса с учётом дрейфа и течений. Учились определять место корабля разными способами. Учились корректировать навигационные карты. Вели метеонаблюдения и составляли синоптические карты. Учили флажный семафор и светофор».

Юнги второго и третьего наборов занимались строевой подготовкой (в первом наборе этой подготовки не было, потому что юнгам пришлось заниматься строительными работами).

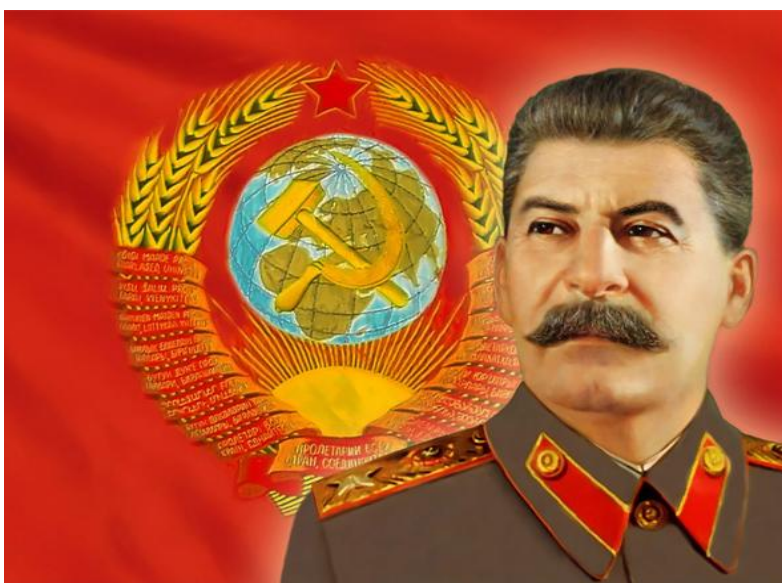

Кадр из фильма «Юнга Северного флота»

Помимо теоретической подготовки юнги ходили в море на мотоботе № 319 и транспортном корабле «Ударник», а также на шлюпках под парусом и на вёслах. Эту практику, несмотря на мозоли, мальчишки очень любили. Они понимали, что без знаний, без специальных умений и навыков опытного, сильного и умного врага не победить, поэтому, как вспоминал соловецкий юнга Я. К. Кобяков, «учились хорошо, с душой и с чувством ответственности за то доверие, которое нам оказали, зачислив в школу юнгов ВМФ». Многие серьёзно увлекались спортом: занимались боксом и гимнастикой, играли в футбол, волейбол и баскетбол на специально оборудованных в Савватьево площадках. Зимой совершали многокилометровые пешие и лыжные походы.

Занимались соловецкие юнги и художественной самодеятельностью. За два года было подготовлено 30 концертов и два спектакля.

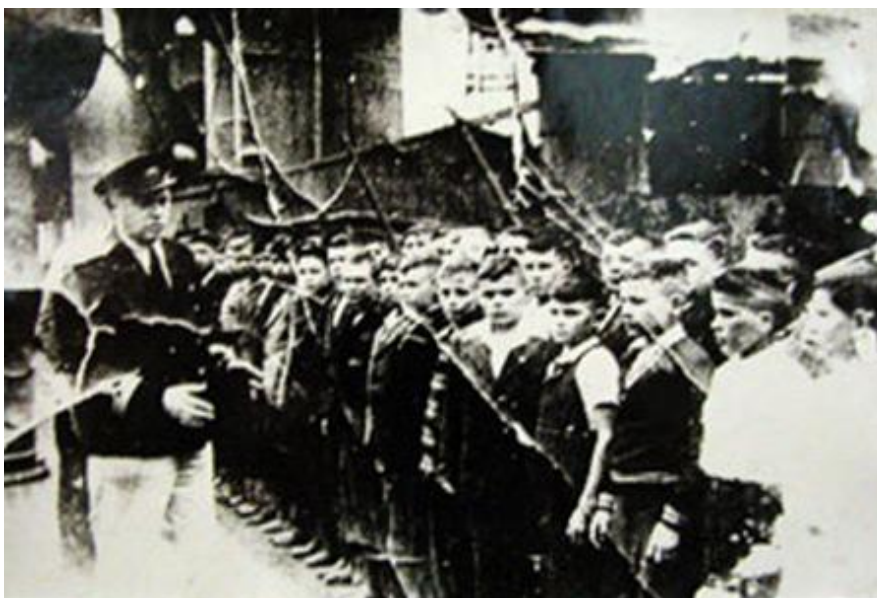
Большое внимание уделялось патриотическому воспитанию. Проводили политзанятия, выпускали боевые листки. Юнги изучали историю русского флота, знакомились с биографиями адмиралов. На время обучения в Школе на каждого юнгу было установлено денежное содержание 8 рублей 50 копеек в месяц, но все эти деньги, так же как и сбережения преподавателей школы, перечисляли в фонд обороны. В 1943 г. юнги, командиры и преподаватели собрали 200 тысяч рублей на военный корабль. Они отправили телеграмму Верховному Главнокомандующему Иосифу Виссарионовичу Сталину с просьбой построить катер, что и было сделано: торпедный катер «Юнга» позднее участвовал в боях на Черном море. Сталин ответил юнгам благодарственной телеграммой, которая сейчас находится в экспозиции Соловецкого музея, посвященной Школе юнг:

Иосиф Виссарионович Сталин. Генералиссимус Советского Союза

«...Передайте юнгам, собравшим 160 тысяч рублей и 40 тысяч облигациями на постройку торпедного катера, мой привет и благодарность Красной Армии. Желание юнг будет исполнено.

И. Сталин».

Глава 8. Командиры-наставники

Безусловно, огромная заслуга в обучении и воспитании юных моряков принадлежала их наставникам. Вспомним их имена.

Соловецкую школу юнг ВМФ с июля 1942 по январь 1943 года возглавлял капитан второго ранга Николай Иванович Иванов, затем с января 1943 по июнь 1944 — капитан первого ранга Николай Юрьевич Авраамов, а с июня 1944 по октябрь 1945 года — капитан первого ранга Сергей Никитич Садов.

Иванов Николай Иванович родился в 1904 году в Оренбургской губернии. Службу в военно-морском флоте начал в 1922 году. Был первым начальником Соловецкой школы юнг, после этого занимал различные управленческие должности. Награжден орденом Ленина, Красного знамени, Отечественной войны 1-й степени и медалями.

Соловецкий юнга Владимир Саксонов после войны написал «Повесть о юнгах», в которой рассказал о жизни и учебе соловецких юнг первого призыва, о том, как они учились преодолевать трудности и постепенно сознавали ценность дружбы. Он с теплом вспоминает об отеческом, строгом, но справедливом отношении Иванова к юнгам. Когда, после окончания школы юнг, перед героем «Повести о юнгах» возник выбор, на какой флот попроситься служить, он выбрал Северный флот, потому что ему сказали, что там продолжал свою службу капитан Иванов.

Н. И. Иванов — первый начальник Соловецкой школы юнг

Но особенным уважением юнг пользовался второй начальник школы, Николай Юрьевич Авраамов. Он родился в 1906 году в Баку. Потомственный дворянин, окончил Морской корпус, в котором позднее учился будущий адмирал Кузнецов. (В «Повести о юнгах» есть эпизод, где Авраамов и его дочь Наташа показывают юнгам, как танцевать на балу вальс). На флоте с 1906 года.

Н. Ю. Авраамов — второй начальник Соловецкой школы юнг

В октябре 1917 года команда эсминца «Лейтенант Ильин» выбрала Авраамова командиром корабля. В дальнейшем он занимал ответственные командные должности. В 1930 году был незаслуженно арестован, восстановлен на флоте в 1932 году. Авраамов — автор учебников по морской практике. Под его руководством окончательно определились особенности учебного процесса Школы юнг. Авторитет Авраамова был непререкаемым, его любили. После школы, с мая 1944 года, служил в научных и учебных заведениях флота, имеет многочисленные награды.

Из воспоминаний соловецкого юнги писателя Виталия Гузанова мы узнаем о его встрече со вторым начальником Школы юнг Николаем Юрьевичем Авраамовым:

1-го ранга внимательно оглядел моего плеча.

— Зловещий зверь — комар? — спросил он.

— Зануда, товарищ капитан первого ранга. Ни ветра, ни дыма не боится.

А ночью над ухом, как стервятник, кружит, спать не дает, — смело ответил я.

— А служба как? Только честно?

Тут я запнулся. Сказать правду или нет? Подумал — скажу.

— Войной не пахнет... Такую работенку, как здесь, я бы у себя дома нашел... На лесоразработках всегда люди нужны.

— На фронт рвешься?

— На фронт...

Капитан-лейтенант Пчелин подождал чуть-чуть, надеясь, что капитан 1-го ранга еще о чем-нибудь спросит меня, осторожно начал:

— Я же вам говорил, Николай Юрьевич.

— Рано юнгам спешить на войну, — сказал капитан 1-го ранга и спустился по тропинке к дверям штабной землянки комбата. — Рано. Вы знаете, что говорил адмирал Нахимов о матросе? «Матрос есть главный двигатель на военном корабле...» Главный! Так высказался флотоводец. И прежде чем юнгам встать к орудью или броситься на абордаж, если в этом будет нужда, они должны научиться морскому делу. Сегодня их первейшая задача — учиться.

У комбата были свои заботы, и он их выкладывал:

— Учатся и... работают. Посмотришь на мальчишек — аж дым валит от роботы, товарищ капитан первого ранга. Стараются. Не бездельничают. Мне порой жалко их бывает. Дети...

— Жалостью хотите растрогать?— с укором покачал головой капитан 1-го ранга. Не произнеся больше ни слова, он стал спускаться дальше по тропинке, к озеру, где юнги нашей роты стирали белье».

В 1917 году, когда произошла революция, матросы избрали молодого Авраамова, морского офицера-фронтовика, командиром корабля «Лейтенант Ильин», затем — председателем судового комитета, а вскоре и дивизиона эсминцев. Зимой 1918 года две эскадры Балтийского флота стояли в Ревеле и Гельсингфорсе. Германские войска, захватив Эстонию и высадившись в Финляндии, стремились завладеть и нашими боевыми кораблями. Финский залив был скован льдом, на многих судах шел ремонт, не было топлива. На угольной пристани вместо антрацита громоздились сугробы. На эсминце «Лейтенант Ильин» осталось полкоманды, были разобраны машины. В таких условиях необходимо было спасти корабли. И Николаю Авраамову удалось привести эсминец в Кронштадт. Моряки с честью справились с задачей. Спустя годы соловецкие юнги, побывавшие в кабинете Николая Юрьевича Авраамова, видели в его шкафу, за стеклом, модель эсминца «Лейтенант Ильин».

В Савватьева Николай Юрьевич жил с семьей: жена Тамара Николаевна была служащей ВМФ, а дети — дочь Наташа и сын Юрий — ровесники юнг. Наташа, к сожалению, умерла в молодом возрасте, а Юра в сорок четвертом году поступил в Нахимовское училище и стал морским офицером, дослужился до звания контр-адмирала.

Николаю Юрьевичу Авраамову, прекрасному моряку и человеку, посвятил свой первый роман «Океанский патруль» соловецкий юнга и известный писатель Валентин Пикуль:

«Памяти друзей-юнг, павших в боях с врагами, и светлой памяти воспитавшего их капитана 1-го ранга Николая Юрьевича Авраамова посвящает автор эту свою первую книгу».

Сергей Никитич Садов, третий начальник Соловецкой школы юнг, родился в 1897 году в Астрахани. На флот пришел в 1918 году. Окончил Военно-морскую академию. При нем в ноябре 1945 года началась передислокация школы с Соловецких островов в Крон-

С. Н. Садов — третий начальник Соловецкой школы юнг

штадт. В дальнейшем преподавал в Высшем военно-морском училище связи. Имеет многочисленные награды.

Первым военным комиссаром школы юнг был Фёдор Семёнович Щигарёв, а с января 1943 года бессменным заместителем начальника школы

С. С. Шахов — комиссар
Соловецкой школы юнг

по политической части являлся капитан третьего ранга Сергей Сергеевич Шахов. Родился в 1911 году в Ивановской области. Крестьянский сын, он в 1933 году связал свою жизнь с флотом. Когда в январе 1943 года Шахова назначали заместителем начальника по политчасти Соловецкой школы юнг, он не предполагал, что станет замечательным педагогом. В памяти воспитанников школы он оставил добрый след. Это был чуткий, доброжелательный и одновременно требовательный человек.

По штату на каждые полсотни юнг выделялись: один преподаватель-офицер, один старший инструктор и два инструктора (командиры смен). Таким образом, всего в школе работали 30 преподавателей, 30 инструкторов-старшин и 60 инструкторов. Большинство из них имели высшее, неоконченное высшее или среднее специальное образование, остальные — среднее образование. К примеру, физику юнгам преподавал В. Г. Долгополов, окончивший механико-математический факультет Московского государственного университета. Большим авторитетом пользовались у юнг преподаватели Я. П. Платонов, Н. Ф. Пукемов, В. Г. Долгополов, И. А. Камышко, П. П. Вишнев. Преподаватель русского языка Павел Павлович Вишнев после войны стал писателем и написал детскую повесть «Юнги», изданную в 1973 году в Свердловске.

морских сил командиры, преподаватели и инструкторы приступили к обучению 15–17-летних моряков.

Многие командиры и преподаватели школы имели боевой опыт. Так, преподаватель А. В. Кириллов воевал в 1941–1942 гг. в составе батальона Морской пехоты Северного флота, И. И. Юшин — на эсминце «Гремящий», А. Н. Кулинич участвовал в десантных операциях Северного флота.

Со временем преподаватели приобрели опыт воспитания юных моряков. Постоянно внушали юнгам, что быстрота и чёткость при выполнении, казалось бы, незначительных приказаний приучает оперативно решать любую задачу, что жизненно важно на морской службе. Морское сражение скоротечно, и в нём, как правило, побеждает тот, кто наносит удар первым и чей экипаж действует слаженнее, а это зависит от каждого моряка.

12 воспитателей юнг, среди которых капитан-лейтенант В. В. Ольнев, инженер-майор Г. З. Ребудэ, старший лейтенант П. С. Нечитайлов, за образцовое выполнение заданий командования были награждены орденами Красной Звезды, а шесть человек награждены медалью «За боевые заслуги».

Но самой высокой наградой для преподавателей и воспитателей Соловецкой школы юнг стала отличная служба их учеников на боевых кораблях в годы Великой Отечественной войны.

Юнги в строю (1943). Кадр из киножурнала «Пионерия»

Глава 9. Соловецкая школа юнг в судьбах и воспоминаниях ветеранов

Соловецкий юнга Борис Тимофеевич Штоколов

Народный артист СССР Борис Тимофеевич Штоколов был одним из ведущих солистов Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Основу его камерного репертуара составляли русские народные песни и романсы, которые он исполнял с большой проникновенностью и выразительностью.

Штоколов признавался: «Мне хочется открыть в том, что давно открыто, самое сокровенное, докопаться до самых тайников, каждую роль представить по-новому».

Детство будущего народного артиста было нелёгким. Хотя у кого оно в то время было лёгким? Вновь рассказывает Борис Тимофеевич:

«В 1938 году отца по ложному доносу лишили партбилета и объявили врагом народа. Он успел, схватив в охапку все семейство — жену и ораву детей, уехать добиваться справедливости... Долго ли, коротко ли, но отца восстановили в партии, и он получил назначение в Пермь. А тут скоро началась война. Отец добровольцем ушел на фронт, наказав мне, одиннадцатилетнему мальцу, беречь мать, брата и сестер...»

Летом 1942-го мать получила извещение о том, что отец пропал без вести. Так мы, пятеро детей, остались полусиротами.

Было голодно, и я — «глава семейства» — стал воровать из товарных вагонов на станции Сортировочная жмых. Ели мы его с наслаждением, как пирожное... Осенью 1944 года все бросил из-за голода и уехал в Школу юнгов Северного флота, которая находилась в Белом море, на Соловецких островах...»

Вот так Борис Штоколов в 1944 году попал в третий, последний набор, в Соловецкую школу юнг и был «...благодарен судьбе за это. Там нормально кормили, выдали обмундирование, вообще относились хорошо. По окончании ее вновь вернулся в Свердловск, к которому уже успел привыкнуть. А так я родом из Новокузнецка...»

В конце 40-х Борис Штоколов — курсант военного училища — выступал в концерте самодеятельности перед Георгием Жуковым: «Если бы не Георгий Константинович, я, возможно, и не состоялся бы как артист. Было это так: я поступил в Свердловске в специальную школу ВВС, выступал в самодеятельности, а Жуков в те времена как раз командовал Уральским военным округом. Однажды он приехал к нам на концерт. Ну переполох, конечно, все волнуются.

Шутка ли, сам маршал Победы пожаловал! Понятное дело, я тоже старался, как мог, произвести впечатление. После выступления Жуков пригласил меня к себе в кабинет и говорит: “Знаешь что, Борис, тебе надо профессионально заняться пением. Все данные для этого есть, грех загубить талант. В авиации и без тебя молодцов хватает, а вот певцов таких нет”. Потом, благодаря протекции Жукова, я почти без всяких экзаменов поступил в Свердловскую консерваторию. О Георгии Константиновиче у меня остались самые светлые воспоминания».

«В дверях появился очень высокий и очень тонкий молодой человек, — вспоминал преподаватель консерватории. — Смущаясь, рассказал, что в войну был юнгой на Соловецких островах, потом служил на крейсере “Киров”. Недавно приехал в Свердловск учиться петь. И еще сказал, что очень любит искусство Шаляпина, собирает его пластинки, стремится подражать великому певцу и, если мы позволим, покажет, как у него получается... Молодого человека звали Борис Штоколов. Скоро он стал солистом Свердловской оперы, а затем на многие годы — Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова».

Так судьбу соловецкого юнги определил маршал Георгий Жуков.

Соловецкий юнга Леонид Петрович Пшеничко

Война застала семью Лёни Пшеничко в Москве. В 1941 году его отца забрали на фронт. В 1942 году мать получила извещение о том, что он пропал без вести на Ленинградском фронте. В 1941 году, когда немцы наступали на Москву, учеников всех московских школ забирали прямо с занятий вместе с учителями и в обязательном порядке эвакуировали в тыл, причём даже без согласия родителей. И родители часто не знали, куда попали их дети. Мать Лёни долго потом его разыскивала, а сам он оказался в Рязанской области. Его и других детей поселили в школе, которая не была подготовлена для приема эвакуированных. Начали сколачивать нары для сна, стелить на них солому. Первое время все дети голодали и вскоре завшивели. Леонид Пшеничко вспоминал, как стоял тогда у костра и щепкой сгребал вшей в огонь. Лечить детей было негде. Однажды через село, где они находились, гнали коров, которые мычали — их нужно было подоить. Дети были голодные, но их отгоняли, потому что боялись, что заболеют дизентерией. Учителя плакали от отчаяния, не зная, как им помочь. Лёниной маме удалось разыскать его и привезти в Москву лишь через год. Ему было тогда тринадцать лет.

Мать работала целыми днями, а Лёня был предоставлен улице. Дети дежурили на крышах. Вечером бегали по квартирам и требовали от жильцов

соблюдения светомаскировки, носили на чердак песок для тушения зажигательных бомб. Занятия в школах не проводились.

В первые годы войны много отцов погибло. И мальчишки стали беспризорными: кто попадал в банды, а кто садился на поезд и пытался уехать на фронт — мстить за своих отцов. Милиция снимала их с поездов и возвращала домой. И Лёня попал в воровскую шайку в своём дворе. Был на побегушках у старших, выполнял мелкие поручения. В это время мать узнала от знакомых, что для 15–16-летних мальчишек на Соловецких островах создана Школа юнг. В ней она увидела спасение. Мать очень просила, чтобы Лёню приняли в школу, плакала: «Муж пропал без вести, а сын — беспризорник». Лёне тогда было четырнадцать с половиной лет, и он стал самым молодым юнгой третьего набора.

Будущих юнг привезли на поезде из Москвы в Архангельск: «Там стояли американские и английские корабли, — вспоминал потом Леонид Петрович Пшеничко, — которые привозили всякую продукцию по ленд-лизу. Приходили корабли, нужно было их разгружать — и нас привлекали. Еще помню, меняли у американцев махорку на тушенку. Нам выдавали махорку, а мы не курили — вот и меняли. А американцам очень нравилась махорка. А потом нам жалко стало, и мы стали хитрить: высыпем полпачки, а туда — опилки. Но они нас раскусили и стали проверять: “А, опилки!”, и нам по шапке. Так мы хитрее оказались: стали засыпать опилки в середину пачки, а сверху и снизу — махорку».

Наконец мальчишек на теплоходе в сильный шторм отправили на Соловки. Многих укачивало. Теплоход пришёл в Гавань Благополучия. Часть юнг осталась в Кремле — те, у которых были определены специальности боцмана, рулевых, сигнальщиков. А электриков и еще часть специальностей отправили в Савватьево. Лёня оказался во второй группе. Вещи юнг погрузили в машину-полуторку, а сами они шли до Савватьево пешком. Когда дошли, им сказали: «Вы будете жить здесь». Юнги спросили: «Где это, здесь?» Им ответили: «А прямо здесь».

Лёня попал в третий набор соловецких юнг: с осени 1944 до осени 1945 года. Мальчишкам досталась достройка последней землянки. Валили лес, ошкуривали его. Внутри настилали деревянный пол, устанавливали трехъярусные нары, пирамиду для карабинов, печку. Но ведь это были мальчишки и иногда старались сделать как попроще. Щель есть — пока мичман не видит — глиной замазывали. А зимой, когда стали мёрзнуть в этой землянке, поняли свою ошибку. Как ни странно, никто из юнг не болел. Единственное, чем многие заболели — аппендицит, потому что ели неочищенную крупу, овсянку, сечку. Оперировали заболевших там же, на Соловках.

Ежедневно в землянке назначался дневальный, в обязанности которого входила топка печки, уборка помещения, колка дров и охрана землянки. Умывальника и туалета в землянках не было: умывались на озере, а в туалет бегали на сопку. Воду ходили набирать за 150 метров из озера, зимой пробивали прорубь.

В Кремле, помимо юнг, находился учебный отряд Северного Флота, но юнги с курсантами пересекались редко. Лишь когда проходили практику,

то выходили в море вместе с ними. Это были парни лет по 20–25. Они тоже обучались и получали специальности, но по своим программам.

Юнги посменно несли караульную службу. Чувствовалась близость опасности, немцы прорывались в Белое море. Именно в 1944 году были самые жестокие бои; американские и английские корабли шли по ленд-лизу, и немцы топили много судов.

Кадр из фильма «Юнга Северного флота»

Подъем у юнг был в шесть утра. 15 минут зарядка на улице, даже в мороз. После этого приходили, одевались, заправляли свои кровати. Потом давалось время привести себя в порядок. После зарядки и утреннего туалета — построение и юнги с песней строем шли в столовую. Кормили вначале неважно, юнги даже возмущались. Позднее командование приказало выдавать продукты из неприкосновенного запаса. И в школу стали привозить рис, макароны, питание наладилось. После завтрака снова было построение — и в учебный корпус на занятия. В учебных классах было натоплено, после еды клонило в сон. И как-то Лёня заснул на занятии. Преподаватель заметил и приказал: «Юнга Пшеничко, доложите своему командиру, что Вы спали на занятии». Лёня пришёл к своему старшине, доложил и был наказан. После этого сидел на занятиях, воткнув перо в подбородок, чтобы не заснуть.

Занятия продолжались восемь часов с перерывом на обед. Особенно юнгам нравились занятия по морскому делу: устройство парусных кораблей и такелаж, хождение на шлюпках на веслах и под парусом, семафорная и флажковая сигнализация, боцманское дело (вязание морских узлов, плетение кранцев и матов и прочее). Все приобретенные знания тщательно конспектировались. Изучали юнги и выданное оружие, правила его использования. Самостоятельной подготовки не было, все обучение проходило только в учебном корпусе. После занятий — ужин и возвращение в землянку. Помимо плановых занятий юнгам приходилось заниматься вспомогательными работами: заготовкой дров, уборкой территории. Время от времени они всей землянкой заступали на дежурство в камбуз — чистили картошку, треску, готовили. Или шли дежурить в хлебопекарню, на склады. Хлеб пекли сами под управлением матроса. А перед сном у каждого был час личного времени:

писали письма, штопали носки и обмундирование. Отбой был в одиннадцать вечера. Праздников и выходных у юнг не было.

Кровати в землянках стояли в три яруса, а в углу находилась печка, одна на все помещение. Холод был собачий, ночью мерзли. Но юнги придумали выход — у каждого был свой кирпич. Перед тем, как ложиться спать, они клали этот кирпич на плиту, после чего заворачивали его в свое белье, под одеяло. Иначе было не заснуть. Иногда среди ночи в землянке раздавался грохот: кто-то неосторожно поворачивался во сне, и кирпич падал с третьего яруса на пол.

При школе соловецких юнг были женщины-баталершицы, по одной на роту. Они жили в отдельной землянке, следили за обмундированием, меняли белье, стирали.

Юнги знали, что раньше на Соловках был лагерь для заключенных. Они задавали вопросы преподавателям: «Почему у нас в корпусе казематы, а не обычные учебные классы?» И преподаватели отвечали, что раньше на Соловках жили монахи, а потом сидели заключенные. Рядом с учебным корпусом на здании, напоминавшем часовню, можно было прочесть надпись: «Здесь сидела эсерка Каплан». Были и другие надписи, но этим не интересовались. Было некогда.

За серьёзные проступки юнг наказывали арестом в карцере, который находился в подземелье. А проступки иногда случались — курение в неположенных местах, мат, драки. Провинившихся разбирали их товарищи на комсомольских собраниях. Однажды в закрытом помещении юнги обнаружили библиотеку. Там были старинные книги на древнеславянском языке. Ребята нашли им применение — оторвали у книг переплеты, вставили в них свои тетрадки, а сами книги выбросили в туалет. Когда все выяснилось, начальство приказало достать и отмыть книги. Позднее помещение, где была библиотека, заколотили. Виновные были наказаны.

Через окошко в карцер едва проникал свет. У стен на цепях висели железные кровати, которые задвигались, иногда появлялись крысы. Видимо, это помещение в прежние времена использовалось для содержания соловецких узников.

После выпуска в 1945 г. Леонид Пшеничко и ещё двое юнг попали на Дунайскую флотилию, в Измаил. На корабле соловецких юнг встретил капитан. Он придирчиво осмотрел прибывшую низкорослую команду и удивлённо спросил: «Что это за детский сад?» После этого их распределили по боевым частям в соответствии со специальностями. Леонид после обучения в Школе юнг имел специальность электрика. Капитан, узнав, что юнги являются неплохими специалистами, приказал им проводить занятия с матросами. На этом корабле Леонид прослужил два года — до 1947 года, после чего подал рапорт на увольнение, чтобы продолжить прерванную войной учёбу в школе.

Из четырех тысяч мальчишек, выпущенных соловецкой Школой юнг, в войну погибло около тысячи. Многие из них совершали подвиги, о которых написано немало книг и снято несколько кинофильмов. Не было среди них подлецов и предателей. «Юнги, это особый народ, — сказал главнокомандующий ВМФ Н. Г. Кузнецов, — они являются наглядным примером для молодежи, примером мужества, преданности и любви к Родине».

Соловецкий юнга Альберт Иосифович Семушин

Родился в Архангельске 24 июля 1928 года. Его предки происходили из поморов. Отец и мать Альберта Иосифовича были родом из Шенкурского района Архангельской области. Отец принимал участие в защите севера России от иностранных интервентов во время Гражданской войны и был награждён орденом Боевого Красного Знамени.

В течение первых трёх лет войны Архангельск, как центр снабжения северного морского пути и конвойных экспедиций союзников, подвергался страшным бомбёжкам. Во время одной из бомбёжек немецкий диверсант пустил ракету, указав на Лесотехнический институт, возле которого тогда жила семья Семушиных. Несмотря на огонь счетверённой зенитной установки, «Юнкерс» сбросил бомбы точно в цель: сначала фугасную, потом зажигательную. Начался страшный пожар, и много людей погибло в огне. Но отряд НКВД этого шпиона потом все-таки поймал, его схватили, когда он скрывался на складе, и расстреляли.

Было очень голодно. Еду приходилось искать и даже воровать. Когда разбомбили сахарные склады, по улицам текла настоящая сахарная река, которую дети черпали пригоршнями. А однажды даже пришлось пойти на преступление. Решили ограбить продовольственный склад, который охранял британский солдат. Один из мальчишек точно рассчитал время, которое часовой проходит вокруг здания, и проник на склад. Взял он печенье, и дети спрятались в укромном месте и, разделив поровну, съели его.

Альберт Иосифович вспоминал, как с детьми обходились американцы и англичане, прибывавшие в годы войны в Архангельск. Голодные, 14-летние мальчишки рыскали по городу в поисках еды, а союзники сходили на берег в поисках выпивки и женщин. Они ходили в кожаных куртках, из карманов которых торчало пиво, сигареты, шоколад — настоящая роскошь для того времени. И дети иногда просили у них по-английски: «Sir, give me chocolate». А они посылали детей матом, отпихивали, толкали, кричали: «No chocolate. Fuck off». От этих моментов у Альберта Иосифовича остался очень неприятный осадок.

У каждого из детей имелись основания мстить немцам за причинённые беды, и когда Альберт Семушин узнал о том, что на Соловках открылась школа юнг, он решил туда поступить, чтобы пройти обучение и сражаться с фашистами. Его вначале не приняли из-за возраста, но в 1943 году он повторил попытку, был принят к обучению на радиста и отправился на буксире через Белое море на Соловки. Там будущих радистов распределили для обучения в Савватьево. Учиться им предстояло в здании бывшей тюрьмы. Около Красного озера они разместились в землянках, сооружённых прошлыми выпускниками, юнгами первого набора. В землянках было очень холодно, после купания

полотенце примерзало к волосам, но каждое утро юнги выходили на физзарядку и практически никто из них не болел.

Готовили юнг очень хорошо. Та закалка, которую в них вложили, осталась на всю жизнь. Алмаз же получается только тогда, когда его хорошенько сожмут. А соловецких юнг готовили к войне и поэтому закаляли как следует. И хотя они были детьми, но были уже и военными. Альберт Иосифович Семушин всегда с теплом вспоминал о своих преподавателях. Это мичман Карычев, который буквально заменил мальчишкам отца. Добрый, невероятно душевный, отзывчивый человек — таким он навсегда остался в памяти юнг. Николай Юрьевич Авраамов, капитан первого ранга, начальник Школы юнг, бывший царский офицер, автор книги «Шлюпочное дело», которую юнги изучали на занятиях, лично ходил с ними в море на вёслах. Комиссар Сергей Сергеевич Шахов, проводивший с юнгами политзанятия. На Соловках не было психологов, психотерапевтов, которые бы готовили к тяготам и ужасам войны, поэтому их роль взяли на себя воспитатели — моряки, пришедшие с фронта. Эти люди понимали жизнь и всегда беседовали с мальчишками по-отцовски. Влияние таких бесед ощущалось очень сильно, юнги росли настоящими патриотами. Очевидно, для школы специально подбирали таких настоящих людей, которые могли достойно воспитывать молодёжь.

Однажды в кустах нашли разрезанный противогаз. По бирке установили, чей он, и вызвали этого юнгу к начальнику Школы, капитану Авраамову. Когда парня спросили, зачем он разрезал противогаз, тот расплакался и ответил: «А я хотел посмотреть, что там внутри». И его не наказали, потому что командиры понимали, что дети есть дети, хотя на соловецких юнг с момента зачисления в Школу полностью распространялся «Дисциплинарный устав Военно-Морского флота».

Соловецкие юнги участвовали в соревнованиях по лыжному спорту, съезжали на лыжах по склону Секирной горы. Ребята в шутку рассказывали друг другу, что гора получила свое название из-за легенды о том, что монахи из мужского монастыря копали подземный ход к женскому монастырю, а женщины рыли им навстречу. Но когда об этом узнали, то всем отрубили головы.

Кадр из фильма «Юнга Северного флота»

Между юнгами сложились дружеские отношения. Что такое дедовщина, никто и понятия не имел. Всюду были вместе: на постройке землянок, на учёбе, на практических занятиях. Все ребята в школе вздыхали по дочке капитана второго ранга Лебединского. Его семья жила в административном здании, и когда девушка ходила на лыжах по замёрзшему озеру, то все из окон глазели на неё. Альберт однажды попытался привлечь её внимание — лыжами написал её имя на снегу. После этого над ним дружески подшучивали все юнги. Лучшим другом Альберта Семушина стал питерский мальчишка Мишка Парфёнов. Однажды они вдвоём пошли гулять по острову, заблудились и очень испугались. Нашли на берегу землянку рыбака, в которой не оказалось хозяина, но нашлась еда. Поев, сразу же уснули, а утром их нашли. Мальчишки разревелись и стали оправдываться, но всё обошлось благополучно.

Школу юнг Альберт Семушин закончил отличником и поэтому ему предоставили возможность выбора флота. Поскольку он сам северянин, то и выбрал Северный флот.

Соловецкий юнга Виктор Иосифович Островский

Виктор Иосифович родился на Украине. Когда началась война, четырнадцатилетний Витя Островский в одиночку, с двумя подводами лошадей, ездил в лес на заготовку дров. Никому из взрослых даже в голову не приходило, что он еще совсем ребенок. Такое было время, дети рано взрослели, работали от зари до зари в поле, становились к заводскому станку, наравне со взрослыми выполняя сменную норму.

В 1942 году был объявлен набор в Соловецкую школу юнг. Витя вместе с другими детдомовцами пошел в райвоенкомат и записался в школу добровольцем. Но в первый набор не попал, потому что работал в это время на сенокосе. А в 1943 году ему повезло, правда, пришлось приписать себе один год, чтобы вступить в комсомол.

— Не могу сказать, что я был тогда патриотом, скорее всего, я этого тогда не осознавал, но все-таки, чтобы взяли на войну, прибавил себе год, — объяснял потом ветеран свой юношеский порыв. — В то время считалось, если ты не служил, значит, ты недочеловек, неполноценный мужчина.

С комсомольским билетом было легче попасть в Школу юнг. Радовался, что его зачислили, потому что другим повезло меньше. В сорок третьем году при поступлении в Соловецкую школу юнг был уже жесткий отбор желающих.

— Дисциплина в школе была жесткая, военная, — вспоминал Виктор Иосифович, — подъем в шесть утра, отбой в 22.00. Сказали, кто плохо будет

учиться, того ждет незавидная судьба, флот в балласте не нуждается. Словом, у нас были не уроки, а боевая подготовка, не экзамен, а бой, который надо выиграть. Вот мы и воевали за знания по 10–12 часов. Изучали морское дело, будущую специальность корабельного радиста. И, надо сказать, радист из меня получился стоящий, дело свое я действительно знал хорошо.

Соловецкий юнга Николай Васильевич Осокин

Будущий юнга Коля Осокин родился в Москве, в семье рабочего. В столице его застало начало войны:

«Особенно мне запомнилось 16 октября 1941 года. В Москве паника: городской транспорт не ходит, магазины закрыты, москвичи остались без хлеба. У многих руководителей и партийных деятелей не выдержали нервы: они

с семьями побежали из города. Кто-то начал сжигать в печках тома сочинений Ленина и Сталина. Но в Сокольническом рабочем районе паники не было. Бежать рабочим было некуда, да и не на чем. Они верили, что Москву не сдадут» (*Николай Васильевич Осокин, сб. «Соловецкие юнги»*).

А в 1942 г. была создана Соловецкая школа юнг, которая готовила ребят к службе на боевых кораблях. Но не все знают, что в том же 1942 году, в Кронштадте, в учебном отряде собрали человек двадцать ленинградских беспризорников и сформировали из них группу юнг. Это была не школа, а просто маленькая часть в составе Учебного отряда Краснознаменного Балтийского флота. На следующий год их стало побольше, на третий год еще больше.

В отличие от соловецких юнг они готовились к службе не на боевых кораблях, а на вспомогательных судах. Однако в конце войны, когда на флотах остро не хватало личного состава, часть воспитанников Кронштадтской школы юнг все-таки попала на боевые катера и участвовала в военных действиях.

В октябре 1945 г. Школа юнг на Соловках была переведена в Кронштадт. После этого юнги стали называться кронштадтскими. Эта школа просуществовала всего несколько лет.

Вообще школ юнг существовало много, они были почти во всех крупных портовых городах: в Севастополе, в Одессе, во Владивостоке, в Архангельске. Но эти школы готовили специалистов только для торгового флота. А военных школ юнг было всего две: Валаамская, в которой ребята не доучились из-за войны, и Соловецкая.

Кроме того, юнгами еще называли корабельных воспитанников. Когда во время войны беспризорный мальчишка попадал на корабль, его воспитывал экипаж. Но эти ребята не имели специального юнговского образования.

Большинство соловецких юнг стремились закончить школу на пятерки: отличники сами могли выбирать флот, где будут служить. Дело в том, что не все флоты воевали, а каждый юнга рвался воевать. Чаще всего отличники просились на Северный флот и Балтику. Туда можно быстрее добраться и начать воевать. И Николай Осокин тоже распределился на Балтику.

Вспоминает соловецкий юнга Николай Семёнович Дробот:

«Возрождение института юнг во время Великой Отечественной глубоко символично. Вспомните — тогда же с подачи советского руководителя стали активно упоминаться имена российских полководцев и флотоводцев, зазвучали имена Александра Невского, Федора Ушакова, Михаила Кутузова; армию и флот одели в погоны, началось сотрудничество властей с православной церковью.

Шло активное возрождение исторического патриотизма! И что бы там ни говорили про Сталина, это возрождение было успешным. Это, несомненно, сыграло важную роль в достижении Великой Победы. У меня такое впечатление, что и появление школы юнг можно отнести к масштабным мероприятиям по подъему боевого духа в стране.

В середине 1942 года около тысячи (точное число я не помню) подростков привезли на Соловецкие острова. Набирали нас по-всякому, однако скажу сразу: никакой, так сказать, рекламы набора не было. В военкоматах набор подростков в школу юнг не то чтобы был засекречен, а просто о нем не принято было говорить вслух.

Попадали в школу юнг разными путями, порою самыми диковинными, да и у меня этот путь был не самым обычным. У меня в бомбежке погибла мать. Мой отец, фронтовик, командир Красной Армии, написал с фронта прямо самому Сталину письмо с просьбой направить меня на фронт “сыном полка”. Но направили меня как раз на Соловки, за что я и благодарен судьбе.

Помнится, наша группа прибыла на Соловки на небольшом транспорте из Архангельска ночью в страшный шторм. Каким-то загадочным образом капитану удалось успешно причалить в почти полной темноте. Так было безопасней: немецкие подводные лодки дежурили в Белом море. Это была моя самая первая встреча с морем — до сих пор я его только на картинке видел...

Пятнадцать верст топали пешком до места, отведенного под школу. На привалах мы, бывало, падали в траву и пытались найти ягоды — очень есть хотелось... Начали строить землянки, разные административные сооружения. Умывальника и туалета в землянках не было: умывались на озере, а в туалет бегали на сопку. Воду ходили набирать за 150 метров из озера,

зимой пробивали прорубь. Было трудно, но я что-то не припомню, чтобы кто-то из нас хныкал!

Особо запомнилось, как мы ходили в караул, ожидая немецкого десанта. От фронта до нас — минут 15 лета на самолете. Да и перископы фашистских подлодок мы видели не раз. Понятно, что никакой стратегической ценности архипелаг не представлял, но все-таки... Если бы фашисты высадились тут крупными силами и закрепились, советским войскам трудно было бы их вышибить обратно.

Так вот: в караул, в противодиверсионные патрули мы поначалу ходили с “дырявыми” учебными винтовками! То есть стволы их были просверлены и стрелять из них было невозможно. “Вдохновлял” штык — и с ним мы готовы были атаковать фашистов, если бы те сунулись всерьез. Потом, правда, привезли нормальное вооружение, научили стрелять.

Было очень трудно — и учиться, и караульную службу нести, и о собственном пропитании порою заботиться — но как-то мы все-таки выстояли и ушли воевать на разные флота. В общем, время, проведенное в школе юнг, — пожалуй, самое яркое впечатление всей моей жизни». (*Материал с сайта ВМФ России*)

Вспоминает соловецкий юнга Юрий Иванович Осокин:

«Родом я с Горьковской области (ныне Нижегородская). Когда я учился в восьмом классе, к нам пришёл молодой матрос и стал приглашать добровольцев в школу юнг, расположенную на Соловецких островах Белого моря. В то время мне было шестнадцать лет. Ничего не сказав родителям, я отправился в далёкий путь. На Соловках попал в последний, третий набор юнг. Это было в 1944 году. Меня заинтересовала специальность радиста. Я до сих пор помню, чему меня учили. Я даже сейчас могу, пользуясь азбукой Морзе, отстучать своё имя, фамилию, отчество. У нас было пять рот. В роте было по двести человек. Вместе со мной учился будущий народный артист Борис Штоколов. Дисциплина у нас была жёсткая. Мы были обеспечены всем необходимым: бумагой, карандашами, хозяйственным мылом, свечами.

Когда я учился, к нам приезжал командующий северным флотом Головкин. Он был небольшого роста, очень подвижный, а с ним были два адъютанта.

Начальником школы в 3-м выпуске был капитан 1-го ранга Сергей Никитич Садов.

Пища была скудная, жили в холодных землянках. Но жизнь нас закалила.

1 сентября 1945 года состоялся последний выпуск юнг. После этого я служил на Балтийском флоте, на броненосце “Выборг”. Часто бывал в Кронштадте. После войны на Соловках не был ни разу. Вспоминаю Соловецкую школу юнг с чувством гордости». (*Материал с сайта ВМФ России*)

Соловецкий юнга Валентин Саввич Пикуль

Глава 10. Повесть-воспоминание Валентина Пикуля «Мальчики с бантиками»

Они видели многое.
Они совершали подвиги.
Жизнь их была полна приключений.

Джек Лондон

Повесть Валентина Пикуля «Мальчики с бантиками» — это тот случай, когда эпиграф настолько точно характеризует книгу, что сложно что-то добавить. Такие книги обязательно нужно читать.

Соловецкие юнги не только бесстрашно воевали. И после Великой Отечественной войны они не забыли свои клятвы и продолжали хранить, оберегать и умножать традиции Соловецкой школы юнг ВМФ. Честь для них всегда была

превыше всего. Они поддерживали друг друга, создали советы ветеранов и активно участвовали в военно-патриотическом воспитании молодёжи.

Известными всей стране людьми стали соловецкие юнги Борис Штоколов, Валентин Пикуль, Виталий Гузанов. Путь от юнги до адмирала прошли Юрий Воронов, Вадим Коробов, Василий Копытов, Борис Смирнов.

Писатель Валентин Пикуль вспоминал: «Я был демобилизован до матроса. В документах указано моё первое и последнее звание — юнга!.. Конечно, не я принёс Родине победу. Не я один приблизил её волшебный день. Но я сделал, что мог. В общем прекрасном пиру Победы была маленькая капля и моего мёду».

Родился будущий писатель 13 июня 1928 года в селе Каргалык в семье матроса. Позднее семья переехала в Ленинград, отец служил на Севере. 22 июня 1941 г. началась война. Самую страшную блокадную зиму 1941–1942 годов тринадцатилетний Валя Пикуль прожил в Ленинграде, а в 1942 году был эвакуирован и решил пробираться к отцу на Северный флот.

О том, как складывалась его жизнь после эвакуации из блокадного Ленинграда, Валентин Пикуль рассказал в своей книге «Мальчики с бантиками». Это повесть о Соловецкой школе юнг. Вале удалось найти отца, но он, комиссар батальона морской пехоты, почти сразу был направлен на передовую, где погиб в боях за Сталинград. А перед отправкой на фронт отец дал согласие на учебу сына в Школе юнг ВМФ.

«Иногда бывает так, что судьба человека решается в считанные мгновения. И да будут они благословенны!» Валентин Пикуль, с пятью классами образования, прибыл в школу из города Молотовска (Северодвинска) и стал юнгой первого набора, когда школа строилась на пустом месте и каждый юнга должен был уметь делать всё. Именно им, первым соловецким юнгам, пришлось вынести все тяготы обучения одновременно с обустройством на Большом Соловецком острове, именно о юнгах первого набора, их преподавателях и воспитателях, о трудностях и радостях их военной юности с любовью рассказал в своей повести Валентин Пикуль.

После двенадцати месяцев обучения в Соловецкой школе пятнадцатилетний будущий писатель начал службу на Северном флоте. В шестнадцать лет стал командиром боевого поста, потом штурманским электриком.

После войны, не имея высшего образования, но активно занимаясь самообразованием, Валентин Пикуль решил посвятить себя литературной деятельности. В течение нескольких лет искал свой творческий путь, писал стихи, рассказы, обращаясь к истории Севера, а затем — к истории России. Работал без выходных и отпусков, как на войне. Свой самый первый роман «Океанский патруль» он посвятил начальнику Соловецкой школы юнг Николаю Юрьевичу Авраамову.

Пикуль — удивительный писатель. Каждое его произведение — стрела в центре мишени, так замечательно метко он западает в сознание читателей. Каждое произведение — это камень, брошенный в озеро, расплескивающий круги в месте падения. Его книги — картинная галерея, с полотен которой сходят участники богатой истории огромной страны. И есть лишь одно произведение о нём, о самом писателе, Валентине Саввиче Пикуле.

Кадр из фильма «Юнга Северного флота»

«Мальчики с бантиками» — повесть автобиографичная. Автор выступает в ней под именем главного героя, юнга Савки Огурцова. Все события и факты, положенные в её основу, — реальны, это события из жизни самого автора и его близких — друзей, родственников, однополчан, соучеников по школе юнг. Это книга о юности автора и всего его опалённого войной поколения, «тревожной, как порыв ветра, ударивший в откинтое крыло паруса. Тогда было суровое время жертв, и мы были готовы жертвовать. Многие из нас тогда же ступили на палубы боевых кораблей». Книга о мальчишках, обыкновенных детях, которые живут в необычное и страшное время — время Великой Отечественной войны. Ребята, которые должны играть в футбол, кататься на велосипедах, сидеть за партами, очень рано вступают в мир взрослых. Очень разные, они в то же время похожи в одном — эти дети мечтают попасть на море. Они уже видят себя матросами линкоров и крейсеров. И не важно, что кто-то из них и моря-то ни разу в жизни не видел, а кто-то спасается от тюрьмы. Не важно и то, что одни — сироты, а у других есть семья, — море объединит их в новую семью, и короткий период учебы в Соловецкой школе юнг станет самым запоминающимся моментом жизни. Школа юнг на Соловецких островах станет их домом.

«Что и говорить, на Соловках нас учили, как спартанцев, — вспоминал Валентин Саввич. — А ведь попавшие в школу юнг были разными:

и сильными, и слабыми, избалованными и “маменькиными сыночками”. Но из каждого необходимо было сформировать боевого матроса, готового шагнуть на палубу корабля». Главный герой повести Пикуля, Савка, долго скрывал и от воспитателей, и от своих товарищей, что не умеет плавать. Боялся, что его отчислят из школы. Наконец он решил в одиночку преодолеть страх перед водой:

«Может, лучше выйти из леса и честно заявить, что плавать он не умеет, а воды боится? Ну, конечно. Все станут хохотать, как помешанные. Но смехом дело не кончится. Возьмут за руки, схватят за ноги. Потащат на самую глубину и плавать выучат. Но у Савки не хватало силы воли на такое крутое решение... Вечером опять из-за леса его окликал горн. Весь день он проползал по холмам и низинам, безо всякого аппетита ел морошку и прошлогоднюю кислую клюкву. Кое-где встречались березы с забытыми банками — он попил из них соку. Наступала ночь. Отчаяние становилось острее.

— Или я человек, — сказал себе Савка, — или я тряпка...

Птицы уже пробудились. Савка поднялся с кочки, на которой сидел так долго, что она даже согрелась под ним. Пошел выбирать озеро для проведения опыта над самим собой. Отступления не было! Решительным толчком ног он швырнул себя в оглушительную глубину. Глаз при этом не закрывал и потому видел все... Видел глубину, но зато не видел конца ее. Вода тяжелела и уже не казалась хрустальной. Наконец что-то протемнело глубоко под ним. Савка разглядел древние коряги, похороненные на дне озера, и длинные волосы водорослей, что тянулись к нему. Теперь задача — всплыть, дабы не оставаться здесь навсегда. И вдруг почувствовал, что какая-то сила сама влечет его кверху. Хотелось глотнуть воздуха, но, сжав губы, он терпел. И поднимался... выше, выше, выше! Ладони вдруг розово осветило солнце. Они первыми проткнули ту пленку, что делила мир на две стихии. Плечи тоже выступили из воды, и тогда, ни разу до этого не плававший, Савка поплыл, взмахивая руками, как это делают все люди. Даже не верилось! Он, он плыл. Он победил себя и победил свои страхи. Как жаль, что свидетелей его победы не было... Только шумел лес.

... Кравцов выслушал его и заглянул прямо в глаза:

— Ну, а теперь, Огурцов, ты все-таки скажи мне правду...

Пришлось рассказать все.

— Когда-нибудь, — сказал Кравцов, — с вашими фокусами я под трибунал загремлю. Голова-то на плечах имеется? Пять часов утра. Вокруг ни души. А ты, не умея плавать, ныряешь носом вперед... Растеряйся на секунду, глотни воды, как воздуха, и — амба! Мои погоны — ладно, но о своей-то жизни ты подумал?

— Я подумал. Удельный вес моего тела меньше удельного...

Лейтенант не дал ему закончить:

— Дурак ты! Только потому, что ты живой стоишь передо мною, я тебя прощаю. А утопленника я бы отправил на гауптвахту... Иди!»

В повести «Мальчики с бантиками» есть сцены, которые можно обсуждать: например, история с вареньем. Разве не актуальная тема? Суть проста: одному из юнг присылают из дома посылку с множеством банок варенья. И что бы вы думали? Он их сначала долго перекладывает, пересчитывает. Потом, у себя на верхнем ярусе кровати, периодически ест в одиночку варенье. И это продолжается несколько дней. Пока не происходит чрезвычайное происшествие: на построении этот подросток обращается к начальству с жалобой о том, что у него украли банку варенья! История простая и вечная, как мир. И здесь описание дальнейших событий является прекрасным материалом для обсуждения: кто прав, кто виноват? Разные точки зрения у героев, разные точки зрения могут возникать и у читателей.

Читая повесть Пикуля в разном возрасте, замечаешь, что проникаешься симпатией к разным людям. В детстве радуешься и по-доброму завидуешь юнге Савке, блокадному мальчику, выжившему, выдержавшему, нашедшему свой «истинный меридиан», компасной стрелкой вцепившемуся в него и снова ушедшему на войну. «...И мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть...» А потом искренне восхищаешься стойкостью, мужеством фронтовика, юнга С. Огурцова, рулевого эскадренных миноносцев, упрямо смотрящему на Север, стремящемуся победить. А в зрелом возрасте с большим уважением читаешь про «настоящего человека» Савву Яковлевича, не позволившего себе ни на мгновение усомниться в правильности выбранного курса, в истинности жизненного меридиана, не давшего слабину маленькому волчку своего гирокомпаса.

Хорошая книга. В меру реалистичная, в меру романтико-патриотическая. Отсутствие пафоса, подробное описание трудностей, испытаний и довольно самокритичное изображение поступков главного героя и других мальчишек делает книгу просто бесценной для нынешних ребят.

Соловецкий юнга Виталий Григорьевич Гузанов

Глава 11. Виталий Григорьевич Гузанов и его повесть «Соловецкие паруса»

Как и Валентин Пикуль, писатель Виталий Григорьевич Гузанов вступил на путь литературы прямо с фронтов и палуб кораблей Великой Отечественной войны. Они оба сражались и верили в то, что придет время и обо всем этом надо будет рассказать следующим поколениям.

Виталий Григорьевич Гузанов родился 26 апреля 1928 года в селе Рубское Княгининского района Нижегородской области в обычной крестьянской семье, пережившей тяжелые годы коллективизации: раскулачивание, арест, ссылку, насильственный отрыв от корневой основы предков-землепашцев.

Свое основное образование и воспитание Виталий Гузанов получил на флоте. Когда началась Великая Отечественная война, Виталий Григорьевич, будучи подростком, решил поступить в Школу юнг ВМФ. Вот как он сам вспоминает о своём отъезде на учебу в школу:

«Провожали меня мама и младший брат Петя. Ему тогда исполнилось лет пять. Помню, мама побежала на базар-толкучку купить мне на дорогу краюху хлеба, а Петю, чтобы не потерялся, поставила на бесхозную бочку. Эшелон тронулся, а мамы все нет и нет. Петя горько плакал. У меня от жалости в груди заглодело. В какой-то момент я был готов выпрыгнуть на перрон и остаться... Остаться навсегда дома. Ведь меня никто не принуждал идти на войну, никто не упрекнул бы за то, что я вернулся к одинокой матери и маленькому брату. Велик ли спрос с мальчишки, когда ему четырнадцать-пятнадцать лет? Велик. Конечно, велик!»

Через несколько дней эшелон прибыл на станцию Исакогорка в Архангельск. Сопровождающий младший командир Скурихин пересчитал команду. Через час подошел небольшой речной пароход, ребята спустились в каюты третьего класса. Спустя некоторое время тихоходный пароход сбавил скорость, и будущие юнги высадились на Красной пристани Архангельска.

Во флотском полуэкипаже их встретили с любопытством. Такого пополнения никто явно не ожидал. Слишком малы оказались будущие воины. Через день ребят приняла комиссия, которую все называли непонятым словом «мандатная». Гузанова спросили, что привело его на флот, ведь отец Виталия Григорьевича служил в пехоте, сестра — в войсках противовоздушной обороны, а старший брат — на Дальнем Востоке пограничником. На это он ответил:

— Я хочу быть моряком.

— А почему не танкистом?

— У меня есть еще брат... младший. Подрастет — будет танкистом, — произнес шепотом Гузанов.

— Добро, — сказал контр-адмирал. — Поздравляю, юнга. Ступайте получать морскую форму.

Через несколько дней, уже юнгой, Виталий Гузанов прибыл в учебный отряд на Соловецких островах.

Из воспоминаний В. Г. Гузанова: «В утренние часы мы занимались общеобразовательными предметами: физикой, алгеброй, русским языком, географией. А на последнем, шестом уроке, зубрили морские термины. Особенно трудно давались наименования такелажной оснастки кораблей парусного флота. Но самым любимым занятием у нас было хождение на шлюпках».

Однажды юнга Виталий Гузанов получил письмо, из которого узнал, что его отец, Гузанов Григорий Семёнович, пал в бою смертью храбрых:

«...Я еще раз перечитал письмо. Лешка смотрит на меня, покачивая головой, и говорит:

— Хочешь, я тебе стихи прочитаю? Не свои. Володька Зыслин написал. Думаю, тебе понравятся...

Лешка не стал ждать моего согласия:

— Забыл первые строки. Ну да ладно. Начну с середины:

Крепко стиснув зубы, вспоминаю:

На земле украинской — война!

В хвойных чащах северного леса

Помним мы о будущих боях.

У врага в руках моя Одесса!

Мстить за город Киев должен я!

Не уйти фашистам, не укрыться.

Краснофлотская тверда рука.

— Никакой пощады подлым фрицам! —

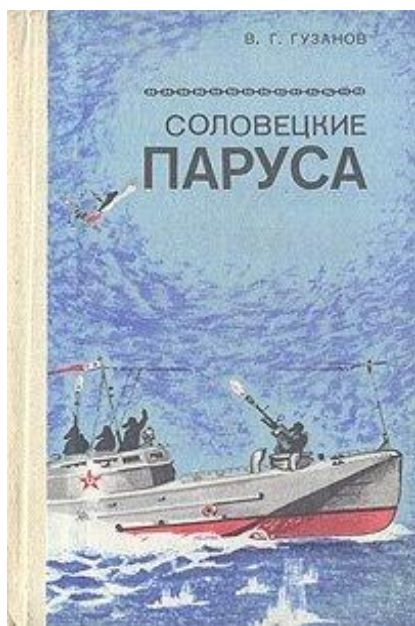
Это голос юнги-моряка!»

Шли дни, недели, месяцы. И вот наступило 6 октября 1943 года. Настал час, когда юнги переступили через ту невидимую черту, за которой начинается зрелость. В Савватьево приехал начальник политотдела Учебного отряда Северного флота капитан 1-го ранга В. М. Гришанов. Он зачитал приказ командующего Северным флотом, в котором адмирал А. Г. Головкин поздравил юнг с успешным окончанием школы. Группа юнг-выпускников, в которую входил и Виталий Гузанов, получила назначение на Северный флот. Виталий

Григорьевич был направлен сначала сигнальщиком, а затем рулевым на морские тральщики в главную базу Северного флота, город Полярный.

После окончания Великой Отечественной войны В. Г. Гузанов продолжил службу на флоте, а в мае 1949 года был отправлен на учебу в Ленинградское военно-морское училище. Затем была офицерская служба на Черном море. С 1949 года Виталий Григорьевич увлекся журналистикой и решил поступить во Всесоюзный государственный институт кинематографии, по окончании которого в 1961 году был назначен главным редактором Казанской киностудии.

Соловецкая школа юнг интересовала журналистов, писателей, фронтовых кинооператоров. Сюда приезжали североморские поэты Ярослав Родионов, Александр Ойслендер, Александр Жаров. Именно в военном Заполярье счастливый случай свел Виталия Григорьевича с писателем Борисом Лавренёвым, который сыграл заметную роль в литературной судьбе Гузанова.

Перу В. Г. Гузанова принадлежит несколько десятков книг, посвященных подвигам наших моряков в годы Великой Отечественной войны, соловецким юнгам, освоению российским флотом Тихого океана и установлению дружественных связей с Японией. По инициативе Виталия Григорьевича Гузанова в Японии установлены памятники нашим морякам, попавшим в плен и умершим от ран во время русско-японской войны 1904–1905 годов.

Повесть-воспоминание Виталия Гузанова «Соловецкие паруса» — это 110-страничная книга о Соловецкой школе юнг. Автор вспоминает о том, как он попал в школу, как жил и учился со своими товарищами. В книге имеется большое количество рассказов о юнгах-героях войны, их портреты, фотографии учащихся и руководителей Соловецкой школы юнг, несколько фотографий из жизни школы.

Повесть-воспоминание Виталия Гузанова «Соловецкие паруса» — это 110-страничная книга о Соловецкой школе юнг. Автор вспоминает о том, как он попал в школу, как жил и учился со своими товарищами. В книге имеется большое количество рассказов о юнгах-героях войны, их портреты, фотографии учащихся и руководителей Соловецкой школы юнг, несколько фотографий из жизни школы.

Кадр из фильма «Юнга Северного флота»

В 1973 году по произведениям Валентина Пикуля и Виталия Гузанова был снят советский художественный фильм «Юнга Северного флота». Картина стала дебютом в кино известного актёра Игоря Скляра. В постановке чётки, которую исполнил герой Игоря Скляра, приняли участие соловецкие юнги А. Е. Осепян из Москвы и В. З. Байкин из Казани. Они и были чёточниками в юнгашеской островной самодеятельности.

По сюжету фильма четверо подростков не стали ждать победы над немцами, а отправились, каждый своим путем, в школу юнг на Соловецких островах. Фильм — о мужской дружбе, первом боевом крещении ребят и победе.

— Как вы оцениваете фильм «Юнга Северного флота», который вышел на экран в 1973 году? — спросили журналисты соловецкого юнгу Альберта Иосифовича Семушина.

— За исключением некоторых неточностей, фильм неплохой, — рассказал о своих впечатлениях Альберт Иосифович. — Сделан в патриотическом духе, но, конечно, чтобы прочувствовать все до конца, режиссёру нужно было бы самому пожить на Соловках. А вот сцена прыжка в горящую воду сделана очень правдиво. Нам приходилось проходить и это испытание. На воду выливали горячее, поджигали его, и мы прыгали в огонь с вышки. Набирали как можно больше воздуха и прыгали ногами вниз. Так нас готовили к нередким на море случаям, когда корабль тонет, а горячее разливается по поверхности воды. Остаться на тонущем судне нельзя — затянет под воду вместе с ним, значит, надо прыгать в огонь.

— Никто не пострадал во время таких испытаний?

— Трагических случаев среди нашей группы радистов я не помню за всё время обучения». (*Соловецкий юнга Альберт Иосифович Семушин*)

«Когда я смотрю на день сегодняшний — всё в серой дымке, — поделился с читателями своими мыслями в одном из последних интервью Виталий Григорьевич Гузанов. — И только звуки рынды на брандвахте оповещают: надо сверить курс и обойти опасность. Когда возвращаюсь в сороковые — такие мысли не возникают. Да откуда им взяться? Другие были краски времени. В последние годы, с высоты прожитых лет, я все чаще возвращаюсь в юность, в Белое море, где находится Соловецкий архипелаг, похожий на гигантский корабль, стоящий на страже. Может, поэтому я всегда говорю себе: порт моей приписки — Соловецкие острова».

Кадр из фильма «Юнга Северного флота»

Глава 12. Как сражались юнги

После обучения юнги отправлялись на боевые корабли различных флотов. Перед расписанием юнг по флотам проводили лесоповал — валили несколько деревьев. Это была заготовка дров для следующего набора юнг. После окончания учёбы выпускникам полагался месячный отпуск. Но, как вспоминал соловецкий юнга Леонид Зыков, когда им зачитали просьбу командования сразу же отправиться на действующий флот, команду «Шаг вперед, желающие!» выполнила вся команда выпускающихся.

«Теперь об этом можно рассказать без утайки — дело прошлое: никто из юнг не желал попасть на Тихоокеанский флот, где не было войны. Юнги отмахивались от Каспия и разных флотилий на реках. Честно говоря, не много было охотников служить и в преддверье Арктики — на Северном флоте. Вот об этом Савка частенько и размышлял. За время войны колоссально выросло боевое и международное значение Северного флота. По сути дела, этот флот в боях вырабатывал новые традиции — освоение пространств и гигантских коммуникаций. Битва проходила во мраке ночи на длинной океанской волне, покрытой морозным туманом. Это была страшная битва без оглядки на спасение, когда любой результат боя складывался из неумолимой формулы “Смерть или победа!”. Постепенно созрело решение.

— Я, — сказал Савка, — попрошусь на Север. Мне нравится этот край... Помните, как по радио выступали? «Кто сказал, что здесь задворки мира? Это край, где любят до конца, как в произведениях Шекспира, сильные и нежные сердца!» (В. Пикуль. *«Мальчики с бантиками»*).

В последний день выпускников школы на плацу перед штабом знакомили с приказом наркома ВМФ о направлении юнг на флоты и флотилии. Юнгам вручали свидетельства об окончании школы, их напутствовали командиры и воспитатели. Перед отъездом на корабли юнги давали клятву на верность своему воинскому долгу:

«Родина! Великая Советская держава! В день отправки нас на боевые корабли приносим тебе свою клятву! Мы клянёмся с достоинством и честью

оправдать оказанное нам доверие, умножать боевые традиции советских моряков, хранить и оберегать честь Школы юнг ВМФ.

Мы клянёмся отдать все силы, отдать жизнь, если надо, за свободу и независимость нашей Родины.

Мы клянёмся до полного разгрома и уничтожения врага не знать отдыха, не знать покоя, быть в первых рядах самых мужественных, самых смелых, самых храбрых советских моряков. Если ослабнет воля, если подведу товарищей, если трусость постигнет в бою, то пусть презирают меня в веках, пусть покарает меня суровый закон Родины».

Участники и живые свидетели событий военных лет подтверждают: юнги сдержали клятву. Проверку боем они выдержали. Преподаватели и воспитатели Соловецкой школы юнг старались поддерживать связь с выпускниками, знали, как они служат, радовались успехам и тяжело переживали потери.

Командир бригады торпедных катеров Северного флота А. В. Кузьмин вручает юнге Саше Ковалеву орден Красной Звезды

Легендой стал подвиг юнги-моториста Саши Ковалёва. Саша родился в семье инженера Филиппа Марковича и Елены Яковлевны Рабинович. В 1937 году его родители были репрессированы: отец приговорён к расстрелу, мать — к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. После ареста родителей Саша воспитывался в семье тёти — переводчицы Риты Райт-Ковалёвой — и капитана Северного флота Николая Петровича Ковалёва. В начале Великой Отечественной войны мальчик был эвакуирован в Ярославскую область, а позже вернулся к месту службы Н. П. Ковалёва в Архангельск, где служил на катере. Когда к осени 1942 года открылась Соловецкая школа юнг, Саша с помощью дяди поступил в неё, заимствовав биографию не прошедшего по своим данным кандидата в юнги Юрия Николаевича Кова-

лёва, комсомольца, уроженца Горьковской области. Скорее всего, необходимостью скрывать эту тайну и объясняется некоторая замкнутость подростка в общении юноши со сверстниками, которую некоторые из юнг отмечали позже в воспоминаниях. Но уже через год, в период боевой службы Саши, как вспоминал его непосредственный командир, старший механик торпедного катера Николай Старшинов, Саша «не скрывал, что у него — приёмные родители, был общительным, добрым и честным».

Саша Ковалёв участвовал в 13 выходах торпедного катера по поиску кораблей противника и пяти минных постановках у береговых баз врага. За участие в этих боевых походах, за обеспечение безукоризненной работы моторов юнга Ковалёв 1 мая 1944 года был награждён орденом Красной Звезды. Бой, в котором Саша Ковалёв совершил подвиг, произошёл 8 мая 1944 года. Сначала его торпедный катер потопил сторожевой катер противника. Юнга Ковалёв безукоризненной работой своего мотора обеспечил форсирование ходов катера в атаке. Внезапно вражеский снаряд попал в машинный отсек, и Саша был контужен, но, несмотря на это, отважно боролся с водой, поступавшей через пробоину. А когда во время нападения истребителей противника был пробит коллектор мотора, юнга своим телом закрыл повреждение, из которого под давлением ключом била горячая вода и отходящие газы. Саша Ковалёв погиб, но своим самоотверженным поступком он сохранил ход торпедного катера и жизнь экипажа. Орден Отечественной войны I степени стал посмертной наградой герою.

Соловецкий юнга Владимир Моисеенко

В войне с Японией отличился выпускник Соловецкой школы юнг электрик Владимир Моисеенко. 13 августа 1945 года военный корабль, на котором он служил, получил боевой приказ высадить десант, взять высоту на полуострове Колокольцева возле корейского порта Сейсин и оттуда корректировать огонь советской артиллерии. Для этого из личного состава корабля был организован десантный отряд из тридцати человек под руководством капитана 3-го ранга Терновского, в который добровольно вошел и Моисеенко. При подходе к подножью высоты десанту через разведчиков стало известно, что на сопке имеются огневые точки японцев. Моряки с криком: «За Родину, за Сталина!» пошли на штурм этой высоты. Выстрелы оттуда стихли, но когда Титаренко и Моисеенко первыми ворвались во вражеское боевое укрепление, из-за двери на Титаренко набросился японский офицер. Моисеенко оторвал его от командира, оттащил за го-

лову. Однако японец изловчился и нанес ногой удар Титаренко, одновременно схватился за карабин Моисеенко, пытаясь его вырвать. Японец кусался, царапался, извивался как змея, но его всё-таки удалось захватить живым.

В этом бою Моисеенко взрывал вражеские дзоты с таким бесстрашием и мастерством, точно он был профессионалом-подрывником. В общей сложности ему удалось уничтожить восемь дзотов. Во время уничтожения последнего товарищи увидели, как японский офицер саблей ударил Владимира по голове. Друзья решили, что он убит. Но Моисеенко обманул свою смерть. Ловко увернулся от удара и, скатившись по склону сопки, остался цел и невредим, после чего добрался до своих. Указом президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 года «за образцовое выполнение боевых заданий в борьбе с японскими захватчиками и проявленный при этом личный героизм» Моисеенко Владимиру Григорьевичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Во время переговоров в Сейсине об условиях капитуляции командующий Центральной группой японских войск генерал-лейтенант Нисевани Соуничи дал высокую оценку действиям советского десанта, сказав, что *в мире самые храбрые солдаты — это японцы, а на втором месте — это русские солдаты*. Из советского оружия, примененного в боях за город-порт, неприятельские офицеры особенно отметили противотанковую гранату, которая оставила у защитников Сейсина «*хорошее впечатление*».

Ещё одна судьба. Генри Таращук служил на торпедном катере ТКА-13. Катер при атаке вражеского конвоя потопили корабли охранения, и его считали погибшим. Израненного юнгу подобрала немцы. Он чудом выжил в лагере для пленных вблизи Киркенеса.

После гибели катера в Нарвском заливе попал в плен запевала Соловецкой школы юнг В. Лущик. Фашисты расстреляли его на острове Аэгна близ Таллина.

Юнга-боцман торпедного катера Иван Зорин летом 1944 года, во время захвата корабля противника, первым бросился на бордаж. За этот подвиг он был награждён орденом Красного Знамени.

Юнга-пулемётчик Николай Портенко, служивший на Балтийском флоте, лично сбил самолёт и поджёг катер противника, за что был награждён двумя боевыми орденами.

Катерный тральщик, на котором служил рулевым юнга Саша Адволоткин, подорвался на mine. Оказавшись в холодной воде, верный флотской традиции «сам погибай, но товарища выручай», он набросил свой спасательный круг на юнгу Сергеева, который был контужен взрывом, а сам поплыл к берегу. Но не доплыл...

Выпускник школы юнг Анатолий Негара служил на тральщиках. Его корабль потопила подводная лодка в Карском море. Спасательный понтон с моряками две недели носило по осеннему морю, люди были без пищи и воды. Острова, встречавшиеся на пути, были пустынными. Выжили немногие, их спас мешок муки, найденный в полосе приборя.

Всего за годы Великой Отечественной войны Школа юнг ВМФ обучила: радистов — 946 человек, рулевых — 35, боцманов надводных кораблей — 411, мотористов торпедных катеров — 717, электриков надводных кораблей — 534,

артиллерийских электриков — 3, торпедных электриков — 139, боцманов торпедных катеров — 166, мотористов-дизелистов — 124 и штурманских электриков — 50 человек.

Таким образом, Соловецкая школа юнг ВМФ, развернув подготовку специалистов различных профилей, с заданием командования справилась.

В 1945 году школа юнг с Соловецких островов была переведена в Кронштадт и просуществовала там до 1952 года. Выпускники школы служили на Балтике и на всех флотах и флотилиях СССР. Затем на базе школы юнг открылась мореходная школа, которая готовила специалистов для вспомогательного флота: буксиров и рефрижераторов.

И напоследок несколько фактов и цифр из истории Соловецкой школы юнг:

— Соловецкая школа юнг ВМФ была самой молодой по возрасту личного состава воинской частью не только Советского Союза, но и всей Европы в период Второй мировой войны.

— С 1942 по 1945 год Школа юнг подготовила 4 111 первоклассных специалистов для всех флотов и флотилий Советского Союза: рулевых, радистов, сигнальщиков, торпедистов, мотористов, боцманов и т.д.

— Первым начальником Школы юнг с июля 1942 года по январь 1943 года был капитан 1-го ранга Николай Иванович Иванов.

— С января 1943 года по июнь 1944 года — капитан 1-го ранга Николай Юрьевич Авраамов.

— С июля 1944 по октябрь 1945 года — Сергей Никитич Садов.

— Первый военный комиссар Школы юнг — Федор Семенович Щигарев.

— С января 1943 года заместителем начальника Школы юнг по политической части был капитан 3-го ранга Сергей Сергеевич Шахов.

— Более 150 воспитанников Соловецкой Школы юнг за мужество и отвагу награждены медалями Нахимова и Ушакова.

— 45 юнг стали кавалерами орденов Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны.

— Юнга-электрик с тральщика «Проводник» Володя Моисеенко за участие в высадке десанта и подвиг в Корейском порту Сейсин был удостоен звания Героя Советского Союза.

— Из четырех тысяч юнг, непосредственно участвовавших в боевых операциях и служивших в 40-е годы на военных кораблях, погибла четверть.

— Из трех наборов юнг вышли 12 адмиралов. Многие выпускники Соловецкой школы юнг связали свою жизнь с морем.

— Удостоены звания Героя Советского союза в мирное время вице-адмирал В. Коробов, Н. Усенко, Ю. Падорин.

— За доблестный труд бывшие юнги С. Савин, М. Балуев, В. Бабасов и Л. Павловский удостоены звания Героя Социалистического Труда.

— Н. Махотин, Р. Гильфанов, М. Валидов — Лауреаты Государственной премии. Ф. Аржанов — Лауреат Ленинской премии.

— Из среды соловецких юнг вышли известные мастера искусств: Б. Штоколов — народный артист СССР; В. Пикуль, В. Зыслин — писатели; В. Гузанов — писатель, кинодраматург; Д. Арсенин, Ю. Мошкин, Н. Холодов —

художники; В. Леонов — киноактер; Д. Кутдасов — заслуженный деятель искусств. Но, конечно, не у всех судьба сложилась удачно. Были и те, кому сложно было возвращаться к мирной жизни.

Время уничтожило на Соловецких островах следы землянок и построек военных лет, на их месте сейчас деревья и заросли кустарника. Но по сей день приезжают на Соловки бывшие юнги, находят здесь только им ведомые приметы школы.

Героизм соловецких юнг неоспорим. Мальчишки, прошедшие школу выживания на Соловках, привыкли действовать на свой страх и риск. Каждый четвертый юнга погиб. Позднее юнга первого выпуска Соловецкой школы, радист Вадим Василевский, написал:

«Мы первую любовь узнали позже, чем первое ранение в бою...»

Глава 13. Будь смелым

Помнишь детские сны о походах великой армады, Абордажи, бои и под ложечкой ком? Всё сбылось. «Становись, становись», — раздаются команды. Это требует море, скорей становись моряком.

Владимир Высоцкий

«Безумству храбрых поём мы песню!» — воскликнул в конце девятнадцатого столетия русский писатель Максим Горький. «Безумство храбрых» означает отсутствие какого бы то ни было страха, готовность совершить что-либо значительное и одновременно расстаться с жизнью, если это потребуется.

В фильме «Апокалипсис» американский режиссёр Мэл Гибсон показал жизнь индейцев Майя до открытия Колумбом Америки. Через индейскую деревню, попросив разрешения у вождей её племени, проходят изгнанные из своих мест чужаки. Герой фильма, сын вождя, потрясен их молчаливым отчаянием. Ведь племя, лишенное своей земли, обречено на гибель. И мудрый вождь так сказал сыну:

— Ты обеспокоен? Знаешь, что ты увидел в этих людях? Страх. Гложущий изнутри страх. Они заражены им. Ты заметил? Страх подобен болезни. Он вползает в душу каждого, кто с ним сталкивается. Страх уже парализует твой и мой покой. Но я растил тебя не для того, чтобы ты жил в страхе. Изгони его из сердца. Оставь его здесь.

На следующее утро на спящее племя напали охотники за рабами. Часть людей убили, других увели в рабство. Вождя убили на глазах его сына. Вождь был совершенно спокоен, перед тем как умереть, он сказал сыну последние слова:

— Не бойся.

Можно ли назвать «безумство храбрых» мудростью жизни? Безусловно, ведь трус превращает свою и чужую жизнь в мучение, а храбрость вызывает восхищение и желание ей подражать. «Безумство храбрых» служит окружающим чем-то наподобие путеводной звезды, освещающей путь во мраке. Далеко не каждый способен на подобное безумство, именно поэтому героизм часто бывает трудно понять тем, кто отличается приземленностью и робостью.

Ниже приведены мысли и стихотворения известных людей различных эпох и народов. Все они — о храбрости и мужестве.

Ум и храбрость — звук пустой, если преданность забыта.

Вишакхадатта, древнеиндийский поэт

Храбрецы не сдаются.

Бусидо, кодекс японских самураев

Истинная храбрость заключается в том, чтобы жить, когда время жить, и умереть, когда время умереть.

Бусидо, кодекс японских самураев

Судьба боится храбрых, давит трусов.

Сенека, римский философ

Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч;
о, если бы ты был холоден или горяч!
Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден,
то изблюю тебя из уст Моих.

*Слова Иисуса Христа из Апокалипсиса —
Откровения св. Иоанна Богослова: гл. 3, ст. 15–16*

Имущество потеряешь — немного потеряешь, честь потеряешь — много потеряешь, мужество потеряешь — все потеряешь.

Н. Гёте, немецкий поэт

Истинное мужество просвещенных народов состоит в готовности к самопожертвованию во имя родины.

Г. Гегель, немецкий философ

В каком царстве люди поработены, в том царстве люди не храбры и к бою несмелы против недруга.

Иван Семенович Пересветов, русский писатель

Мужество есть великое свойство души; народ, им отмеченный, должен гордиться собою.

Н. М. Карамзин, русский историк

Если ваши мечты лишены смелости, дерзости и фантазии, они становятся лишь средством, которое ваши враги используют против вас.

Горацио Нельсон, британский адмирал

Храбрый может умереть лишь однажды, трус же умирает целую жизнь.

Горацио Нельсон, британский адмирал

Жизнь каждого принадлежит отечеству, и не удальство, а только истинная храбрость приносит ему пользу.

Павел Степанович Нахимов, русский адмирал

Разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая пере-
силила бы русскую силу?

Н. В. Гоголь, русский писатель

Только болван может воображать, будто если в мирное время приучить
человека быть трусом, так тот на войне станет вести себя как лев.

Артур Конан Дойл, британский писатель

Дерзающим, а не просто смелым почти всегда улыбается судьба. Смелый
может иной раз действовать необдуманно. Дерзающий сначала думает, а затем
действует.

Жюль Верн, французский писатель

Все одинаково боятся. Только один весь раскисает, а другой держит себя
в руках. И видишь: страх-то остается всегда один и тот же, а умение держать
себя от практики все возрастает; отсюда и герои и храбрецы.

А. И. Куприн, русский писатель

Лучше пусть искра моей жизни погаснет, ярко вспыхнув, чем тлеет вечно
в пыли. Лучше блистать как метеор, чем быть мрачной вечной луной.
Я хотел бы быть золой, но не пылью.

Джек Лондон, американский писатель

Из ночи, которая меня окружает,
Чёрной, как шахта,
Я благодарю богов,
Давших мне непобедимую душу.
В тисках обстоятельств
Я не хмурился и не рыдал.
Под ударами судьбы
Моя голова окровавлена,
но не сломлена.
За этим местом гнева и слёз
Нет ничего, кроме ужаса тени.
Но, не смотря на угрозу,
которую несут мне годы,
Я не пугался и не испугаюсь.
Неважно, как узки врата,
Неважно, как много
преступлений в свитке,
Я властелин своей Судьбы,
Я капитан своей Души.

Уильям Эрнст Хенли, американский поэт

Удача улыбается смелым.

Эрих Мария Ремарк, немецкий писатель

Неважно, как долго ты воспитываешь в человеке смелость, ты не узнаешь, все ли получилось до тех пор, пока не произойдет что-то действительно серьезное.

Эрих Мария Ремарк, немецкий писатель

Счастье принадлежит бесстрашным.

Эрих Мария Ремарк, немецкий писатель

Мужество — лучшее украшение молодости.

Эрих Мария Ремарк, немецкий писатель

Силу, смелость и уверенность приобретают тогда, когда смотрят страху прямо в глаза. Надо делать то, чего, казалось бы, вы сделать не сможете.

*Анна Элеонора Рузвельт,
американский общественный деятель*

Смелым помогает судьба.

А. М. Горький, советский писатель

Безумство храбрых — вот мудрость жизни!

А. М. Горький, советский писатель

Трус в нашей стране — это презренное существо... Трус — почти предатель сегодня и, безусловно, изменник в борьбе.

Н. А. Островский, советский писатель

Что такое счастье? Разве счастье может покинуть смелого? Нельзя убегать от счастья! Надо гнаться за ним, нагонять его, хватать за волосы и подгибать под свое колено... Вот как добиваются счастья!...

Василий Ян, советский писатель

О храбрости русских один арабский историк X века пишет так: хорошо, что русы ездят только на ладьях, а если бы они умели ездить на конях, то завоевали бы весь мир.

Лев Николаевич Гумилёв, советский историк

Любите родину, свой народ, крепите войсковое товарищество, и вы всегда будете непобедимы.

М. А. Шолохов, советский писатель

Если ты в безопасности, ты не учишься.

Станислав Васильевич Курилов, океанограф

Как и положено в детстве, мы много чего боялись, но ежедневно ходили навстречу своим страхам, как будто ничего особенного в этом нет. Нормальный способ детского существования.

*Макс Фрай (литературный псевдоним двух авторов —
Светланы Мартынич и Игоря Стёпина)*

У храбрости есть любопытная черта, придающая ей особую ценность. Черта эта заключается в том, что гораздо легче быть храбрым, когда надо выручать кого-то другого, чем в тех случаях, когда надо спасти себя самого.

Грегори Дэвид Робертс, австралийский писатель

Мы часто называем человека трусом, когда он просто застигнут врасплох, а проявленная храбрость, как правило, означает всего лишь, что он был подготовлен.

Грегори Дэвид Робертс, австралийский писатель

Я верю в то, что в подвигах и храбрости важно, чтобы один человек поддерживал другого.

Вероника Рот, американская писательница

На свете нет ничего невозможного — дело только в том, хватит ли у тебя храбрости.

Джоан Роулинг, британская писательница

Жизнь сжимается и расширяется пропорционально твоей храбрости.

Анаис Нин, французская писательница

Смелые и мужественные люди сами делают свою судьбу.

Пауло Коэльо, бразильский писатель

Лучше смерть в бою, чем жизнь раба.

Эмилиано Сапата, мексиканский революционер

Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

Долорес Ибаррури, испанская коммунистка

Мы не умрём мучительной жизнью, мы лучше верной смертью оживём!

Владимир Высоцкий, поэт и актер

Молодые люди! Берите пример с юнг, проживших трудную, но прекрасную жизнь!

Леонид Пшеничко, соловецкий юнга

Литература

1. Бадигин, К. Собрание сочинений [Текст] : для сред. и ст. шк. возраста / К. Бадигин ; худож. Л. Фалин. — Т. 1: Путь на Грумант ; Чужие паруса : Ист. романы. — Москва : Дет. лит., 1988. — 429, [2] с., [1] л. портр. : ил.
2. Вишнев, П. П. Юнги [Текст] : повесть / П. П. Вишнев ; худож. Н. Моос. — Свердловск : Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1975. — 111 с. : ил.
3. Герман, Ю. П. Россия молодая [Текст] : в 2 кн. : ист. роман / Ю. П. Герман. — Москва : Правда, 1988.
4. Гузанов, В. Г. Соловецкие паруса [Текст] : для ст. школ. возраста / В. Г. Гузанов. — Мурманск : Кн. изд-во, 1982. — 208 с. : ил.
5. Дудоров, И. В. От родной Соловецкой обители [Текст] : [воспоминания, размышления] юнгам, погибшим в Великую Отечественную войну на флотах нашей Родины, посвящая / И. В. Дудоров. — Москва : Слово, 2013. — 301 с., [4] л. цв. ил. : ил., портр., факс. — Библиогр.: с. 300 (13 назв.).
6. Море зовет смелых : Соловец. школа юнг и юнги-ярославцы [Текст] : сб. / ред.-сост. Т. Н. Спирина. — Ярославль : Верхняя Волга, 2002. — 85 с., [12] л. ил., цв. ил., портр., факс. : ил., портр.
7. Мухина, Е. А. Восемь сантиметров : Воспоминания радистки-разведчицы [Текст] / Е. А. Мухина ; лит. запись Е. Босняцкого. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Воениздат, 1982. — 271 с., 1 л. портр.
8. Пикуль, В. С. Мальчики с бантиками [Текст] : Повесть / В. С. Пикуль ; послесл. В. Гузанова ; худож. И. В. Данилевич. — Москва : Изд-во ДОСААФ СССР, 1989. — 270, [1] с. : ил.
9. Писарев, С. С. Приключения Семена Поташова, молодого помора из Нюхотской волости [Текст] : повесть : для сред. и старш. возраста / С. С. Писарев ; рис. Л. Рубинштейна. — Ленинград : Детгиз. [Ленингр. отд-ние], 1961. — 239 с. : ил. — (Библиотека приключений и научной фантастики).
10. Саксонов, В. И. Повесть о юнгах ; Дальний поход [Текст] : повести : для старш. возраста / В. И. Саксонов ; рис. И. Браславского. — Москва : Дет. лит., 1971. — 208 с. : ил.
11. Смирнов, В. И. Зина Портнова [Текст] : повесть / В. И. Смирнов ; худож. Н. Н. Захаржевский. — Москва : Воениздат, 1980. — 223 с. : ил. — (Библиотека юного патриота. О Родине, подвигах, чести).
12. Соловецкие юнги [Текст] / сост. Ю. К. Комаров. — Москва : Монолит, 2004. — 407 с.
13. Соловецкая школа юнг Военно-Морского Флота (1942–1945 гг.) [Текст] / Администрация Архангельской обл., Федеральное гос. учреждение «Соловецкий гос. историко-архитектурный и природный заповедник» ; сост. В. В. Коваль, М. В. Лопаткин, Л. В. Шилова. — Архангельск : [б. и.], 2002. — 170 с. : табл., фот.
14. Шамшурин, В. А. Морские волчата [Текст] / В. А. Шамшурин. — Н. Новгород : Книги, 2002. — 160 с. : ил.

Интернет-ресурсы:

15. ВМФ России. Мы знаем о флоте всё [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://flot.com/>.

16. «Соловецкие острова» — информационный портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.solovki.info/?action=archive&id=362>.

17. «Соловки-энциклопедия». Международный дайджест-проект [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.solovki.ca/navy_solovki/sea_cadet_school.php.

18. Википедия — Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0.

Фильмография

Море студеное (1954) — историко-приключенческая киноповесть о поморах.

Назначаешься внучкой (1975) — фильм Ярополка Лапшина, снятый по сценарию Григория Колтунова. Сценарий написан по мотивам повести Е. Мухиной «Восемь сантиметров».

Россия молодая (1981–1982) — 9-серийный телевизионный художественный фильм Ильи Гурина об эпохе Петра I. Экранизация одноимённого романа Юрия Германа.

Соловецкий меридиан (2012) — «Поморфильм» — документальный фильм о Соловецкой школе юнг.

Юнга Северного флота (1973) — художественный фильм о Соловецкой школе юнг. Сценарий фильма написан с использованием материалов из автобиографических книг бывших юнг — писателей Валентина Пикуля и Виталия Гузанова.

В книге использованы материалы, предоставленные Архангельским областным центром патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи (г. Архангельск, просп. Троицкий, 49; тел. (8182) 46-29-29).

Приложения

Памятник Соловецким юнгам на Набережной г. Архангельск
(авторы проекта В. и М. Согояны, 1993 г.)

Размышления о России

Только пустые люди не испытывают прекрасного и возвышенного чувства родины.

Иван Павлов, русский ученый

Размышляя о России, мы связываем понятие Родины со сложной и прекрасной, наполненной историческими событиями и великими свершениями, а иногда и трагической историей нашей страны. Мы переживаем чувство гордости за то, что являемся частью русского мира. Любовь к Родине нам прививают с детства — родители, воспитатели и учителя.

Из поколения в поколение передаются рассказы о важнейших исторических событиях, выдающихся личностях, о подвигах и великих делах. Великий художник Васнецов однажды сказал: «Плох тот народ, который не помнит, не ценит и не любит своей истории». Любовь к Родине, знание и глубокое осмысление отечественной истории не позволяют человеку ни в какой ситуации, что бы ни происходило, перейти на сторону другого государства. Из всего разнообразия стран мира, иногда очень богатых и удобных для жизни, Родина — это единственное место, где спокойно и уютно, место, с которым каждый связан корнями детства, воспитания и учёбы. «Много есть на свете и кроме России всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать — одна у него и Родина», — говорил выдающийся российский педагог К. Д. Ушинский. Культурное и природное единство человека с Родиной вызывает эмоциональное и сознательное отношение к ней. Жизнь человека не может считаться состоявшейся, если она проходит сама по себе, помимо интересов Отечества, если он равнодушен к его судьбе. Мы любим Родину, даже когда видим её несовершенство. Россия — как самый близкий человек. Какой бы она ни была, главное — она есть. Родина одна, и каждый из нас несёт свою долю ответственности за то, какая она есть. Жизнь и судьба каждого из нас зависит от жизни и судьбы нашей Родины. А историческая судьба, перспективы и возможности государства во многом зависят от глубины и силы патриотических чувств его граждан. Поэтому чувство любви к Родине мы, граждане России, воспринимаем как жизненную философию:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.

Купол церковной обители
Яркой травой зарос.
Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.
Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.
Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!
Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Николай Рубцов, русский поэт

На протяжении многих веков исторической жизни нашей страны зарубежные политики, военачальники, мыслители стремились разгадать тайну России, ломали голову над тем, что же создаёт величие нашего государства, в чем главное богатство России?

Кадр из фильма «Очарованный странник»

— Разве вы и сами собираетесь идти воевать? — однажды спросили Ивана Голована, героя повести русского писателя XIX века Николая Лескова «Очарованный странник».

— А как же! Непременно: мне за народ очень помереть хочется, — искренно ответил он.

Жизнь Ивана Голована — это история нашего народа, история, печальнее и отважнее которой трудно что-нибудь придумать. Подобно роману Достоевского «Бесы», эта повесть послужила пророчеством будущих российских испытаний начала двадцатого столетия. А в переломном 1990 году на экраны страны вышел снятый по повести Лескова фильм «Очарованный странник», который, в свою очередь, прозвучал как предсказание русской катастрофы начала 90-х годов, когда 27 миллионов человек, у которых никто не спросил согласия, в одночасье оказались за пределами России — и как предвидение неизбежного возрождения. Это был мало кем услышанный призыв любить Россию — и в печали, и в радости.

«А вот тебе знамение, — сказал Ивану пришедший к нему во сне убитый монастырский послушник, — будешь ты много раз погибать и ни разу не погибнешь, пока придёт твоя настоящая гибель, и ты тогда вспомнишь материнское обещание за тебя и пойдешь в чернецы». И действительно, Иван много раз выходит живым из погибельных положений, как будто его выручает неведомая (или ведомая?) сила. «Ведь у нас самодержавие, — говорит Иван, — и это означает, что в России всё само собой держится».

В одном из самых пронзительных эпизодов повести Иван молит о помощи православных священников, прося выволить его из плена. Но его призыв остался без ответа:

«— А ты, — говорят, — не отчаивайся, потому что это большой грех! — Да я, — говорю, — не отчаиваюсь, а только... как же вы это так... мне это очень обидно, что вы русские и земляки, и ничего пособить мне не хотите. — Нет, — отвечают, — ты, чадо, нас в это не мешай, мы во Христе, а во Христе нет ни еллин, ни жид: наши земляки все послушенствующие. Нам всё равно, и все равны!»

Когда Иван самостоятельно бежал из плена, Родина встретила его неприветливо. С другой стороны, само пребывание на Родине, где все вокруг разговаривают по-русски, — это великая радость, которую не всегда сознают родившиеся в России. Так рыба радуется воде, так радуется любое живое существо, возвратившееся в естественную среду своего обитания.

Сидя в яме, куда его заточили в монастыре по приказу настоятеля, Иван пророчествует о будущем русского народа, о причинах грядущей национальной катастрофы и путях возрождения — эти заключительные и очень поучительные слова прозвучали в финале фильма:

«Там ли гибель, где оной боимся? Там ли спасение, где его чаем? Силою своею я был горд, но на неё боле не надеюсь, ибо близок тот час, когда

не сам препояшешься, но другой тебя препояшет. Букву мёртвую блюдя, тут живое дело губят. На сердце своё я надеюсь, слушаю его — что в нём просто нет — то и говорю. И с сорной земли слетающих на меня блох отрясаю. Люди мои: что бы ты ни сотворил, что бы ты ни отдал — душу свою клади, чтобы видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляйся. Ребята, прошу, заповедь одну братскую соблюдайте: не брешите вы на ветер и ног друг другу не подставляйте — и будет с вас. Что глядите? Вы бы Родине своей как алтарю служили, а то нынче благодатью все как сукном торгуют. За землю нашу страшусь, за Русь опасаюсь. Не напало бы внезапно всегубительство. Земля и небо сторгят, и всё провалится — тьма над бездной станет. Дай Бог, чтобы братоубийства не было, сохрани от этого наших людей. Ничего... *Пусть чужие земли похвалой стоят, а наша и хайкой крепка будет*».

Главное богатство России — народ, со своими традициями и чертами характера. Отличительное свойство нашего ума состоит в отсутствии понятия о границах. Поэтому уже не первое тысячелетие продолжает свой путь в истории наш народ — очарованный странник.

Россия не только страна, где мы родились и живем, но в первую очередь страна, которая живёт в нас. Рану, нанесенную Родине, каждый из нас ощущает в глубине своего сердца. Именно любовь народа к Родине помогла нам выстоять в годы Великой Отечественной войны, когда свой вклад в победу над врагом стремились внести все граждане страны, включая пятнадцатилетних мальчишек, соловецких юнг. Для нас, живущих на Русском Севере, очень важно знать историю своей малой родины. Особое место в этой истории принадлежит Белому морю и легендарным Соловецким островам, где и существовала в годы войны Соловецкая школа юнг.

Кадр из фильма «Назначаетесь внучкой»

Приложение 2

Дети и война

Что стоит за словами приказа адмирала Николая Герасимовича Кузнецова о создании Соловецкой школы юнг? Что заставило командование ВМФ открыть эту школу? Какие квалифицированные специалисты могли получиться за год учебы в тяжелых бытовых условиях, с почти полным отсутствием материальной базы обучения, из 13–16-летних мальчишек с образованием 6–7 классов, а то и меньше? Горя желанием воевать, некоторые мальчишки выправляли себе документы, чтобы начать учиться раньше. Некоторым удалось скрыть болезни.

Великая Отечественная война... Так уж случилось, что наша память о войне и все наши представления о ней — мужские. Это понятно: воевали-то в основном мужчины. Но не только они.

Во время Великой Отечественной войны погибли миллионы советских детей... Русские, белорусы, украинцы, татары, латыши, казахи, узбеки, армяне, таджики... Когда-то великий Достоевский поставил вопрос: а найдется ли оправдание миру, нашему счастью и даже вечной гармонии, если во имя этого, для прочности фундамента, будет пролита хотя бы одна слезинка невинного ребенка? И сам ответил: слезинка эта не оправдает ни один прогресс, ни одну революцию. Ни одну войну. Она всегда перевесит.

Глаза девчонки семилетней,
Как два померкших огонька.
На детском личике заметней

Большая, тяжкая тоска.
Она молчит, о чем ни спросишь,
Пошутишь с ней — молчит в ответ.
Как будто ей не семь, не восемь,
А много, много горьких лет.

Агния Барто

Да, война — не детское дело. Но эта война была особенной. Она и называлась Великой Отечественной, потому что потребовала максимального напряжения сил и самопожертвования всего народа, включая стариков, женщин и детей. Иначе победить объединенные силы всей Европы, собравшиеся в поход на Восток под знаменами Гитлера, было невозможно. Иногда зарубежные политики и журналисты ехидно замечают, что Германия потеряла в этой войне всего 9 миллионов человек убитыми, а СССР — больше двадцати миллионов. По их словам получается, что Красная Армия забросала противника мертвыми бойцами. Но это не так, боевые потери СССР и Германии вполне сопоставимы, все, что сверх этого — убитые карателями мирные жители. Вспоминается фильм советского режиссера Элема Климова «Иди и смотри», который рассказывает о сожженной фашистами деревне Хатынь. Главный герой фильма, который чудом спасся от фашистских полицаев и карателей, в финале стреляет по портрету Гитлера. Понятно, что после пережитого он, поседевший подросток, станет воевать до последнего. Как сказала однажды испанская революционерка Долорес Ибаррури, лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Поэтому дети и стремились на войну, поэтому на детские плечи легла тяжесть военных невзгод и бедствий.

Дети войны... Так часто называют тех, кто в начале сороковых еще ходил в школу, тех, кто очень рано встал у станка, тех, кто помогал в госпиталях ухаживать за ранеными, тех, кто стал сынами полка, кто воевал рядом со взрослыми.

Когда началась война, пятнадцатилетняя Евдокия Мухина жила с родителями в Сухуми. Она сбежала из дома и поступила в школу разведчиков. Её обучили специальности радиста и несколько раз забрасывали в тыл врага. Она помогала разведчикам, подпольщикам и партизанам. О своей военной юности, духовном и профессиональном росте Евдокия Мухина написала книгу воспоминаний под названием «Восемь сантиметров», по мотивам которой

советский режиссёр Ярополк Лапшин снял один из лучших и наиболее правдивых фильмов о Великой Отечественной войне — «Назначаясь внучкой».

Осенней ночью маленькую разведчицу с самолета забросили в тыл врага. Приземлившись, она спрятала на пасеке парашют, мешок с боеприпасами и рацию и пошла в станицу. Она не знала точно, к кому она идёт, ей была известна только конспиративная кличка советского подпольщика — «Дед», пароль и отзыв. Оpozнав Деда по паролю и отзыву, она оказалась в его доме. Дуся обнаружила, что Дед — полицейай, и в её душу закрались сомнения. По легенде, маленькую разведчицу звали Женя. Теперь она стала «внучкой» Деда. Чтобы внучка выглядела непривлекательной, «дед» остриг ей волосы овечьими ножницами. Ранее, чтобы стать для оккупантов своим человеком, дед Тимофей спас утопавшего в Дону гауптмана, то есть капитана Штольца. В знак благодарности Штолец приблизил Тимофея к себе, определив его в полицейай. Штолец служил заместителем коменданта станицы Кущёвка.

Кадр из фильма «Назначаясь внучкой»

По просьбе деда Женя отправилась на базар, ей нужно было позвать к деду полицейай Сашко, который, зная, кто такие дед Тимофей и Женя на самом деле, и понимая, что немцы могут быть скоро разгромлены, хотел заслужить себе прощение. Женя взяла на продажу коробку спичек и лук, но с собой у нее также была и лимонка, взятая тайком у Деда на случай провала, чтобы взорвать и себя, и немцев. На базаре Женя попала в облаву и её обыскал полицейай Сашко. Он нашел у нее лимонку, назвал дурой, но не выдал. Там же Женя встретила советскую связную.

При выполнении задания, полученного от Деда, около немецкой комендатуры в Сашко в упор выстрелил немецкий офицер, в ответ Сашко успел выстрелить в него два раза. Как выяснилось позже, Сашко не умер, и, когда он пришел в сознание, гестаповцы начали его допрашивать. В связи с угрозой разоблачения Деду и Жене было приказано немедленно уйти из станицы. Об этом им сообщила разведчица, которую Женя встретила на базаре. Она также рассказала им, что для выполнения своего задания сумела войти в доверие к Штольцу. Позднее Женя узнала, что разведчица выполнила задание ценой собственной жизни.

Кадр из фильма «Назначаясь внучкой»

Дед Тимофей и Женя покинули станицу. Перед уходом дед Тимофей установил в доме, где они жили, мину-растяжку. По пути он показал Жене место, где был похоронен казненный фашистами разведчик Андрей, его сын, бывший до Жени связным у Деда. В это время прозвучал взрыв. Дед и Женя обернулись и увидели, что это взорвалась мина, установленная в их доме. После этого Дед приказал Жене оставить его и пробираться одной к своим:

«Я кричу:

— Не оставлю! Вас не оставлю одного!

— Чего-о! — Старик вскочил на ноги. — Бунтуешь против моего приказа?! — Он вытащил из кармана пистолет.

Я тоже взбеленилась:

— Расстреливайте, от вас не уйду!

Он вдруг спокойный стал:

— Тогда смотри! — Он приставил дуло к своему виску. — Выполняй приказ, или при тебе застрелюсь... Ты... Ты... Лучше обнимемся на прощание.

Я бросилась к нему на грудь. Слышу, его сердце — бум-бум. А может, это мое так билось сердце. Скорей всего. Как я деда не свалила... Он рукавицы сбросил, взял мою голову в руки, посмотрел в глаза.

— Вот так и Андрюха погиб, жалеючи. Против приказа нельзя. — Тут же себя оборвал: — Иди, иди, шагай, пака шагается... Не жди, я оклемаюсь, я куда мне надо... Иди... Война, Женюшка...

Он меня расцеловал в обе щеки, исцарапал льдинками бороды. И я пошла. А он остался». (Е. Мухина. «Восемь сантиметров»)
Так они попрощались навсегда.

Дети войны... Зина Портнова родилась в Ленинграде. После седьмого класса летом 1941 года она приехала на каникулы к бабушке в белорусскую деревню Зуя. Там её и застала война. Белоруссию заняли фашисты.

С первых дней оккупации мальчишки и девчонки начали решительно действовать, была создана тайная организация «Юные мстители». Ребята вели борьбу с фашистскими оккупантами. Ими была взорвана водокачка, что задержало отправку на фронт десяти фашистских эшелонов. Отвлекая противника, «мстители» разрушали мосты и шоссе, взрывали местную электростанцию, сожгли завод. Добывая сведения о действиях немцев, они сразу же передавали их партизанам. В эту организацию вступила Зина Портнова. Постепенно ей стали поручать всё более сложные задания. Девочке удалось устроиться на работу в немецкую столовую. Поработав там немного, она отравила пищу, приготовленную для немецких солдат. Более 100 фашистов пострадали от её обеда. Немцы стали обвинять Зину. Желая доказать свою непричастность, девочка попробовала отравленный суп и лишь чудом осталась жива.

В 1943 году появились предатели, которые раскрывали секретные сведения и выдавали наших ребят фашистам. Многие подпольщики были арестованы и расстреляны. Тогда командование партизанского отряда поручило Зине Портновой установить связь с теми, кто остался в живых. Фашисты схватили юную партизанку, когда она возвращалась с задания. Зину страшно пытали. Но ответом врагу было лишь её молчание, презрение и ненависть. Допросы не прекращались.

Подвиг Зины Портновой

«Гестаповец подошел к окну. А Зина, метнувшись к столу, схватила пистолет. Очевидно, уловив шорох, офицер порывисто обернулся, но оружие было уже в ее руке. Она нажала курок. Выстрела почему-то не слышала. Только увидела, как немец, схватившись руками за грудь, свалился на пол, а второй, сидевший за боковым столом, вскочил со стула и торопливо отстегивал кобуру револьвера. Она направила пистолет и на него. Снова, почти не целясь, нажала курок. Бросившись к выходу, Зина рванула на себя дверь, выскочила в соседнюю комнату и оттуда на крыльцо. Там она почти в упор выстрелила в часового. Выбежав из здания комендатуры, Портнова вихрем помчалась вниз по тропинке.

“Только бы добежать до реки”, — думала девочка. Но сзади слышался шум погони... “Почему они не стреляют?” Совсем рядом уже казалась гладь воды. А за рекой чернел лес. Она услышала звук автоматной стрельбы, и что-то колючее пронзило ногу. Зина упала на речной песок. У нее еще хватило сил, слегка приподнявшись, выстрелить... Последнюю пулю она берегла для себя.

Когда немцы подбежали совсем близко, она решила, что все кончено, и направила пистолет себе на грудь и нажала курок. Но выстрела не последовало: осечка. Фашист вышиб пистолет из ее слабеющих рук». (В. И. Смирнов. «Зина Портнова»)

Зина была отправлена в тюрьму. Больше месяца зверски пытали девочку немцы, они хотели, что бы она предала своих товарищей. Но, дав клятву верности Родине, Зина сдержала ее. Утром 13 января 1944 года на расстрел вывели седую и слепую девушку. Она шла, спотыкаясь босыми ногами, по снегу. Девочка выдержала все пытки. Она по-настоящему любила нашу Родину и погибла за нее, твердо веря в нашу победу.

Зинаиде Портновой было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. О её жизни и подвиге советский писатель В. Смирнов написал книгу под названием «Зина Портнова».

Да, в те годы дети быстро выросли. Они старались ни в чем не уступать взрослым, часто рискуя жизнью. В тылу ребята дежурили на крышах домов во время вражеских налетов, помогали строить оборонительные укрепления, работали в госпиталях. Подростки заменили на фабриках и заводах своих родителей, старших братьев и сестер. Днем и ночью работали они у машин и станков, выпуская продукцию, нужную фронту и тылу, приближая час долгожданной Победы. Это они в те годы сеяли, собирали урожай. Тысячи ребят сражались в отрядах партизан и в действующей армии.

...В апреле 1942 года на военный корабль Черноморского флота, лидер эскадренных миноносцев «Ташкент», который принимал участие в боевых операциях при обороне города-героя Севастополя в Великую Отечественную войну, пришел двенадцатилетний мальчик, Боря Кулешин. Дежурный по кораблю,

Юнга Борис Кулешин

командир четвертой боевой части Николай Яковлевич Балмасов спросил, что ему нужно. Сдерживая слезы, мальчик рассказал, что зовут Борей, а фамилия его Кулешин и родом он из Донбасса. Как только фашисты заняли город, так сразу же стали сгонять всех жителей на городскую площадь, грузить в машины и увозить на вокзал. Кто успел спрятаться, того не увезли, а мама Бори не успела, ему же удалось убежать...

— Отец-то где? — Папы нет! Зимой пришла бумажка: «Погиб смертью храбрых...» Дяденька командир! Возьмите меня на корабль. Я все буду делать! Возьмите!

Юнга Борис Кулешин прошел на флоте долгий боевой путь, был награжден орденом Красной Звезды. Был ранен, лежал в госпитале,

откуда сбежал обратно на корабль, потому что боялся, что его отправят в тыл учиться, продолжил службу на крейсере «Красный Кавказ». Наконец в 1944 году, когда война подходила к концу, командование задумалось о дальнейшей судьбе Бориса. Учитывая его большую любовь к флоту, ему предложили поступить учиться в Нахимовское училище. Сначала Борис и слушать не хотел. Дело доходило до слез, орденосец плакал. Но, в конце концов, его уговорили. Осенью 1944 года экипаж крейсера проводил Бориса Кулешина в Нахимовское училище. Окончив его, он поступил в Высшее военно-морское училище.

Даже в годы войны — какой мальчишка не мечтал о море, о романтике плавания! Какой мальчишка не смотрел зачарованным взглядом на матросский клёш и ленточки бескозырки! Какой мальчишка в годы Великой Отечественной войны не мечтал попасть на фронт! Сколько пришлось их снять с поездов, идущих на запад! Все они стремились туда, где сражались их отцы и старшие братья.

И вот, летом 1942 года, эти мечты стали близкими и реальными, ведь в приказе о создании Соловецкой школы юнг говорилось: «Школу укомплектовать юношами, комсомольцами и некомсомольцами, в возрасте 15–16 лет, имеющими образование в объеме 6–7 классов, исключительно добровольцами через комсомольские организации в районах по согласованию с ЦК ВЛКСМ».